Б25 01/39

Въ Ист. Рос. Историческомъ
музеѣ
отъ Третьякова

Д. К. ТРЕНЕВЪ.

О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О НЕЙ

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

Цѣна 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе.—Византійская иконопись и ея происхожденіе.—Русская иконопись до Никоновскихъ реформъ.—Русская иконопись послѣ Никоновскихъ реформъ.—Основаніе и дѣятельность Комитета попечительства о русской иконописи.—Вопросъ объ иконописи въ Государственной Думѣ.—Отношеніе членовъ Государственной Думы.—Современное положеніе русской религіозной жизни въ связи съ судьбою иконописи.—Заключеніе.

МОСКВА
1910

Д. К. ТРЕНЕВЪ.

Б 25—01/39

О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О НЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

263

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе.— Византійская иконопись и ея происхожденіе.—Русская иконопись до Никоновскихъ реформъ —Русская иконопись послѣ Никоновскихъ реформъ — Основаніе и дѣятельность Комитета попечительства о русской иконописи.— Вопросъ объ иконописи въ Государственной Думѣ.—Омнѣніяхъ членовъ Государственной Думы.—Современное положеніе русской религіозной жизни въ связи съ судьбою иконописи.—Заключеніе.

МОСКВА
—
1910

Г... о ич Научн...
...РСР
Инвент. № 13860
3 / X 1936 г

Товарищество
Типо-Литографіи И. М. Машистова,
Москва, Китайскій проѣздъ.

Предисловіе.

Прошло нѣсколько лѣтъ какъ о существованіи иконописи какъ бы вспомнили русскіе просвѣщенные люди; появилось много о ней печатныхъ трудовъ и для поддержанія и ея развитія Правительство учредило особый Комитетъ попечительства, осуществившій рядъ мѣропріятій, стремясь къ достиженію намѣченныхъ цѣлей. Объ иконописи стали судить, трактовать, какъ бы рѣшая ея судьбу, члены вышеуказаннаго Комитета и народные представители въ Государственной Думѣ, но при всемъ этомъ остается какъ бы забытымъ одинъ но самый, по моему мнѣнію, важный и существенный вопросъ: можно ли судьбу искусства церкви, какимъ въ дѣйствительности является русская иконопись, отдѣлять отъ судьбы самой церкви, такъ какъ первая неявляется ли лишь отраженіемъ всего того, что совершается въ судьбѣ послѣдней? Какъ на рынкахъ торговли во всемъ мірѣ спросъ потребителей встрѣчаетъ дѣятельное стремленіе создавать товары для его удовлетворенія, а не товарное положеніе рынковъ создаетъ соотвѣтствующій спросъ потребителей, такъ точно не можетъ быть иначе и въ дѣлахъ запросовъ людей къ религіи и къ искусствамъ. Человѣкъ ищетъ и находитъ что ему нужно для матеріальной и для духовной потребностей, а что съ послѣдними несогласуется, то онъ неприметъ какими бы мѣрами и силами ему это ненавязывали бы и какіе бы Комитеты попечительства не создавали... Недавно замѣтили, что иконопись исчезаетъ съ лица русской земли и, несправляясь съ причинами, рѣшили вновь насаждать ее всѣми способами въ русскомъ народѣ, но практика показала, что ученые и разсудительные наши современники съ дѣловымъ видомъ „толкли и толкутъ еще въ ступѣ воду,“ такъ какъ продукты рынка иконнаго товара остались тѣже, а русскій православный потребитель и неподозрѣваетъ, что о немъ совершаются такія благія попеченія и въ своихъ потребностяхъ въ иконописи слѣдуетъ, несмущаясь, все тою же дорогою, созданной ему прошлой и современной судьбою церкви. Русская православная иконопись и русская православная вѣра составляютъ не разрывно одно цѣлое. Иконопись есть изобразительное искусство церкви и если древніе формы и ея содержаніе становятся чужды современнымъ духовнымъ за-

просамъ русскихъ, то слѣдовательно и неминуемо съ этимъ основались существенныя неудовлетворенія въ ихъ запросахъ къ церкви, къ религіи... Иначе быть неможетъ! Религіозная жизнь народа въ своихъ духовныхъ запросахъ находитъ отраженіе въ искусствѣ. Посмотрите на новѣйшія произведенія предметовъ церковной утвари, облаченій, окладовъ иконъ и т. д. и вы замѣтите возвратъ къ простымъ первобытнымъ формамъ искусства первыхъ вѣковъ христіанства... Въ религіозной живописи художникъ русскій тоже замѣтно ищетъ что либо родственное, близкое тойже эпохи и съ особой любовью заимствуетъ формы изъ эпохи возникновенія и развитія византійскаго искусства, изъ эпохи, въ которую оно еще не успѣло окаменѣть и застыть въ своемъ развитіи... Пора и давно пора чутко, внимательно отнестись къ этимъ явленіямъ современной русской жизни! Какъ не въ силахъ человѣкъ измѣнить что либо въ самомъ отраженіи предмета въ зеркалѣ, но самый предметъ можетъ подлежать перемѣнамъ на сколько это во власти человѣка, такъ равно можно лишь вліять на религіозную жизнь народа, стремясь удовлетворить его всегда живымъ, всегда ростущимъ духовнымъ запросамъ, иначе послѣдніе и послужатъ отраженіемъ и въ искусствѣ жизни и въ искусствѣ церкви, а не то что мы придумаемъ, при этомъ сколько бы людей не было призвано поднимать такую миѳическую соломенку, въ какихъ они высокихъ чинахъ, титулахъ или при солидной учености несостояли бы и сколько на то средствъ не асигновывалось бы. Вотъ главная мысль положенная въ основаніе настоящаго труда о русской иконописи по поводу вопроса о ней въ Государственной Думѣ объ отпускахъ Комитету попечительства о русской иконописи пособій отъ казны.

Византійская иконопись и ея происхожденіе.

Когда приходиться касаться вопроса о происхожденіи той византійской иконописи, которая вмѣстѣ съ православной вѣрою была перенесена въ древнюю Русь, то необходимо считаться какъ съ историческими фактами, подтверждаемыми неопровержимыми свидѣтельствами или существующими памятниками, такъ и съ преданіями принятыми и усвоенными русской православной церквою. Въ наше время встрѣчаются попытки подорвать авторитетъ такихъ преданій безъ особой нужды въ томъ для науки. Въ нашей церкви, напримѣръ, существуютъ преданія, что та или другая икона, особо чтимая православными русскими, писаны св. евангелистомъ Лукою. Подобное преданіе возвышаетъ въ понятіяхъ вѣрующихъ чтимый священный памятникъ и оно исходитъ изъ глубины вѣковъ и мы не опровергнемъ его истинность тѣмъ, что путемъ сравненія его нѣкоторыхъ иконописныхъ признаковъ, съ таковыми другихъ памятниковъ, будемъ дѣлать заключенія о болѣе позднемъ его происхожденіи. Вѣрующіе православные признаютъ и вѣрятъ въ его подлинность и въ основаніи побужденій къ такой ихъ вѣрѣ какъ и въ самомъ преданіи обрѣтаются, быть можетъ, болѣе правды, чѣмъ въ нечистыхъ побужденіяхъ развѣнчать святость чтимыхъ всенародно памятниковъ... О томъ что въ древне-христіанской церкви, въ первые вѣка, были въ употребленіи иконы, гласятъ лишь церковныя преданія какъ вышеуказанное такъ и о нерукотворенномъ образѣ Спасителя согласно восточнаго—объ Авгарѣ, отличнаго отъ западнаго—о Вероникѣ. Значеніе этихъ преданій было весьма существенно для развитія иконопочитанія въ русскомъ православномъ народѣ. Но эти преданія оставались только преданіями, а не имѣли документальнаго историческаго основанія, вотъ по чему въ эпоху иконоборства въ древней Византіи и на VII вселенскомъ соборѣ не могли защитники иконопочитанія пользоваться ими, какъ иначе бы сильными и неоспоримыми доказательствами. Когда въ первыхъ вѣкахъ религіозно-духовная жизнь христіанъ протекала въ Римѣ въ подземныхъ катакомбахъ, скрываясь отъ язычниковъ, тогда явилась потребностъ изображать на стѣнахъ священныхъ подземелій съ могилами святыхъ мучениковъ все то, что особенно приковывало къ се-

бѣ религіозное вниманіе вѣрующихъ. Подобныя изображенія ученые изслѣдователи относятъ даже къ I-му и ко II-му христіанскимъ столѣтіямъ, хотя многочисленность ихъ въ то время ими отвергается, такъ какъ христіане изъ язычниковъ съ понятіемъ объ изображеніи привыкли соединять понятіе объ идолѣ, что не соотвѣтствовало христіанскому ученію и препятствовало ихъ укрѣпленію и въ вѣрѣ. Первобытныя изображенія христіанъ были преимущественно символическія. Позднѣе въ III и въ IV вѣкѣ количество изображеній значительно увеличивается, но въ ихъ характерѣ и въ формахъ еще замѣтно вліянія древне-языческаго міра, такъ какъ христіанство не могло еще тогда выработать въ искусствѣ самостоятельныя формы. Съ основаніемъ Византіи культурно-религіозный центръ укрѣпляется за ней на многія столѣтія. Исповѣдованіе христіанской вѣры, при возрастающемъ всемірномъ ея могуществѣ, находитъ постоянно точное выраженіе какъ въ догматахъ, укрѣпленныхъ и засвидѣтельствованныхъ соборами, такъ и въ обрядахъ, какъ выразителяхъ тѣхъ или другихъ понятій православной вѣры. Такое внутреннее духовное и внѣшніе развитіе церкви и должно было аналогично вліять и на развитіе православной иконописи. Отъ монументальной византійской иконописи, сохранившейся въ мозаикахъ на стѣнахъ нѣкоторыхъ древнихъ храмовъ, вѣетъ сознаніемъ духовнаго величія священныхъ изображеній и она свидѣтельствуетъ о подъемѣ религіозныхъ чувствъ вѣрующихъ былаго времени разцвѣта православія и христіанской культуры. Въ древней иконописи православные вырожали весь циклъ своихъ религіозныхъ понятій и насколько постепенно было развитіе этихъ понятій, постолько постепенно шло развитіе православной иконописи. Словомъ, дѣла церкви и дѣла иконописи слѣдовали неразрывно вмѣстѣ и въ иконописи какъ въ зеркалѣ исторически отражалась внутренняя религіозная жизнь православныхъ. Святыя иконы во второй половинѣ IV вѣка несомнѣнно существовали, такъ какъ святой Василій Великій говоритъ: „принимаю святыхъ пророковъ, апостоловъ и мучениковъ и призываю ихъ къ предстательству предъ Богомъ, чтобы черезъ нихъ, чрезъ ходатайство ихъ, Богъ былъ милосердъ ко мнѣ. Посему изображенія ихъ на иконахъ почитаю и покланяюсь имъ...“ [1]) Вмѣстѣ съ распространеніемъ иконописанія и иконопочитанія паралельно слѣдуетъ въ исторіи и иконоборство. Исторія церкви до VII вселенскаго собора и въ послѣдующее время указываетъ намъ на разномысліе царившее въ духовенствѣ и въ народѣ относительно правильности иконопочитанія, повлекшее за собою жестокую борьбу иконоборцевъ съ иконопочитателями, но

завершившуюся торжествомъ православія въ 842 году. Эта борьба вызвала необходимость созыва VII вселенскаго собора въ 787 году для утвержденія иконопочитанія, при выясненіи всѣхъ къ этому относящихся вопросовъ. Считаю умѣстнымъ привести вѣроопредѣленіе этого собора: „Опредѣляемъ, чтобы святыя и честныя иконы предлагались (для поклоненія) точно такъ же, какъ изображеніе честнаго животворящаго креста, будутъ ли онѣ написаны красками или сдѣланы изъ мозаики или какого-либо другого вещества, и будутъ ли находиться въ св. церквахъ Божіихъ на освященныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ, или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа Іисуса Христа или Владычицы Богородицы или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще при помощи иконъ дѣлаются они предметами нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе и поклоненіе, но ни какъ не то истинное служеніе, которое, повѣрѣ нашей, приличествуетъ только божественному естеству". [2]) Такимъ образомъ иконопочитаніе нашло точное опредѣленіе въ православной церкви и иконописаніе получило сново широкій путь для своего развитія, тѣмъ болѣе, что въ то время требовалось много иконъ взамѣнъ уничтоженныхъ иконоборцами. Постепенно византійская иконопись обогощалась и своимъ содержаніемъ при болѣе сложной композиціи и характерными типами святыхъ изображеній, въ которыхъ религіозная сторона превозоблодала надъ художественной... Постепенно такимъ образомъ создался тотъ видъ молебной иконы, который соотвѣтствовалъ религіознымъ запросамъ православныхъ и располагалъ къ молитвенному настроенію. Искусство церкви выработало свои формы, наполнило ихъ своимъ содержаніемъ и послужило этимъ своему духовно-религіозному назначенію, въ рѣзкомъ отличіи отъ искусства жизни, вѣдавшаго главнымъ образомъ мірское вещественное и имѣющаго своимъ идеаломъ красоту природы всего видимаго въ мірѣ.

Русская иконопись до Никоновскихъ реформъ.

Принявъ изъ Византіи вѣру, русскіе стремились соблюсти ее свято и нерушимо и также относились и къ византійской иконописи, такъ какъ она вырожала собой все то,

что почитала св. церковь и что неразрывно было связано съ ея исторіей. Художественныя формы и содержаніе византійской иконописи были усвоены русскими иконописцами и лучшія произведенія древне-русской иконописи отличались качествами художественныхъ образцевъ византійскаго искусства. Древніе греческіе переводы продолжали считаться традиціонными въ этомъ изобразительномъ искусствѣ русской церкви, но замѣчались разнохарактерныя отступленія: въ краскахъ, въ тушевкѣ и въ изображеніи ликовъ, одеждъ и разныхъ аксессуаровъ, что придавало русской иконописи черты нѣкоторой самобытности, національно-русскаго и создавало, такъ называемые въ иконописи, пошибы. Основной же характеръ русской православной иконописи сохранялся неизмѣннымъ, какъ неизмѣнны были догматы и обряды заимствованные отъ греко-восточной церкви и отличительнымъ ея свойствомъ было богатство вырожденнаго въ ней религіознаго содержанія. Тѣсная связь иконы съ религіозными чувствами православнаго вырожалась тѣмъ, что всюду, гдѣ бы онъ не молился: въ храмѣ, дома, въ ратныхъ походахъ, его взоръ съ ней не разставался и видъ ея располагалъ его къ молитвѣ. Поклоняясь изображеннымъ на ней первообразамъ, православные всегда чтили иконы какъ святыни. Получая по вѣрѣ своей просимую помощь отъ Бога въ молитвахъ передъ чтимыми всенародно или мѣстно иконами, народъ и церковъ признавала преподаваемую Богомъ чрезъ эти святыни чудотворную силу. Вотъ почему православная икона имѣла участья не только въ событіяхъ частныхъ лицъ но и народныхъ. Во времена бѣдствій, народъ воздвигалъ для всеобщаго поклоненія и молебствій особо чтимыя иконы. Древнія иконы особенно почитались, какъ и все то, что имѣло отношеніе къ историческому прошлому святой церкви и русскаго народа... Иконъ требовалось много и было ихъ много и особенно при Годуновѣ... Иконописцы всегда умѣли и знали какъ и что писать, чтобы угодить заказчикамъ; и эти послѣдніе тоже знали какія требованія нужно предъявлять къ православной иконѣ.

Молебныя иконы не были прикрыты сплошными ризами какъ теперь, такъ какъ въ иконописи нуждалось православное религіозное чувство. Мѣсто, гдѣ находились иконы, было почетнымъ въ домѣ и онѣ составляли самое цѣнное достояніе семьи и средства не жалѣлись на ихъ пріобрѣтеніе и украшеніе. Для этого допускались слѣдующіе предметы: [3]) басма только на полевомъ иконы, вѣнецъ и цата — все это часто серебренные и у богатыхъ съ драгоцѣнностями. Женскій трудъ создавалъ для украшенія вышитыя подъиконныя пелены, надъиконные убрусы и жемчужныя или иныя поднизи.

Чтобы тяжелая цата не попортила иконопись, подкладывались разшитыя пелены, но все это такъ, чтобы иконопись была доступна очамъ православнаго и его, полнымъ искренней вѣры, лобзаньямъ... Такова была судьба русской иконописи дониконовскаго періода.

Русская иконопись послѣ Никоновскихъ реформъ.

Какъ мы сказали, судьба церкви тѣсно была связана съ судьбой православной иконописи. Исправленіе церковныхъ книгъ и обновленіе нѣкоторыхъ обрядовъ при патріархѣ Никонѣ и связанныя съ этимъ событія не могли не отразиться и на иконописи. Церковныя реформы патріарха Никона внесли существенныя измѣненія въ религіозной русской жизни и конечно не тѣми перемѣнами въ обрядахъ и словахъ, но главнымъ образомъ тою ролью, которую играли въ этомъ дѣлѣ свѣтскія и духовныя власти и тѣми мѣрами, которыми они вводились и наконецъ тѣмъ отношеніемъ, которымъ представители господствующей русской церкви стали къ представителямъ и защитникамъ старой обрядности. Этимъ самымъ отношеніемъ религіозной православной русской жизни нанесенъ былъ ударъ сильный и роковой.

Значеніе вышеупомянутыхъ измѣненій въ обрядахъ и словахъ гиперболически выросло какъ въ глазахъ поборниковъ старины, такъ и тѣхъ, кто вводилъ и укрѣплялъ новую обрядность. Съ этого самаго роковаго для нашей церкви времени началось средостѣніе между русскимъ духовенствомъ и народомъ и вѣрующая православная Русь раздѣлилась на два лагеря: членовъ господствующей церкви и старообрядцевъ, которыхъ духовныя и свѣтскія власти постоянно и всѣми способами ставили во вражду. Но несмотря на всѣ мѣропріятія милліоны русскаго народа сохранили церковные обряды дониконовской Руси. Просвѣщеніе и западная культура, какъ достояніе состоятельныхъ классовъ, скудно проникала въ сельскія захолустныя дебри нашего отечества, а потому духовно-религіозные запросы простонародья надолго оставались тѣми же, какими были въ дониконовской Руси. Вотъ почему требованія предъявляемыя къ православной иконѣ со стороны массъ простаго русскаго народа на долгое время за предѣлами церковныхъ реформъ хранили свой прежній характеръ. Для удовлетворенія этой религіозной

потребности, а равно почитателей древне-русской иконописи въ сельскомъ захолустьѣ Владимірской губерніи иконописцы-кустари писали иконы по древнимъ переводамъ. Старообрядцы сохранили множество древнихъ иконъ, на помощь чему явилось слѣдующее отношеніе представителей нашей православной церкви къ древнимъ памятникамъ русской иконописи. Всѣ древнія иконы, написанныя съ десницею съ двухперстіемъ, стали называться старообрядческими и или уничтожались или удалялись наравнѣ съ древне-церковными книгами, или переписывались согласно требованія современной обрядности. Вотъ такія то иконы отъ настоятелей церквей и монастырей скупались и попадали въ руки старообрядцевъ, которые часто не жалѣли весьма значительныхъ средствъ для пріобрѣтенія той или другой иконы замѣчательной или своею древностью или своимъ выдающимся письмомъ. Въ обширныхъ собраніяхъ иконъ и въ церквахъ нашихъ старообрядцевъ можно встрѣтить весьма замѣчательныя! Встрѣчаются иконы полныхъ иконостасныхъ тяблъ, храмовыя нашихъ церквей и даже монастырей и сохраненіемъ эти древне-русскія православныя святыни обязаны русскимъ старообрядцамъ. Ихъ заказы на иконы въ разныхъ древнерусскихъ пошибахъ или стиляхъ помогали тому, что искусство иконописанія сохранилось и не погибло въ очагахъ иконописи, такъ какъ одни иконы, которыя писались для массъ простаго, бѣднаго народа, не могли бы поддержать качество выполненія и сохранить искусство копировать лучшіе образцы древности на той высотѣ, какимъ его мы видимъ въ рукахъ иконописцевъ нашего времени, пишущихъ иконы для почитателей древне-русской иконописи и, напримѣръ, Комитетскаго изданія лицеваго иконописнаго подлинника.

Среди придворныхъ царскихъ иконописцевъ въ XVII вѣкѣ и нѣсколько раньше церковныхъ реформъ замѣчались уклоненія отъ иконописи къ живописи. Симонъ Ушаковъ писалъ иконы согласныя съ древними традиціями, внося въ нихъ то богатство содержанія и достоинство выполненія, которыми отличались произведенія лучшихъ иконописцевъ того времени. Писалъ онъ иконы и во фряжескомъ направленіи и въ предсмертныхъ своихъ произведеніяхъ около 1683 года мы видимъ его вполнѣ утвердившимся въ этомъ новомъ направленіи русской иконописи. [4]) Одновременно съ Ушаковымъ писали также иконы и другіе царскіе иконописцы. Ихъ ученики продолжали такую иконопись въ началѣ XVIII столѣтія. Хотя во второй половинѣ XVII вѣка западное вліяніе замѣтнымъ потокомъ влилось въ русскую иконопись, но оно, совершенствуя рисунокъ особенно ликовъ, украшенія и тща-

тельность отдѣлки, еще мало касалось основнаго характера и содержанія иконъ. Иконопись при Петрѣ I и нѣсколько послѣ, еще сохраняла направленіе данное ей при Ушаковѣ, но, все болѣе подражая живописи, приняла видъ характерный для этого періода ея исторіи пока рабское подражаніе западной живописи не ликвидировало почти вовсе вліяніе образцевъ византійской и русской старины. Этому способствовали во многомъ реформы Петра I, внесшія столь радикальныя перемѣны въ бытъ властвующихъ и состоятельныхъ классовъ и раздѣлившія русскихъ на „интеллигенцію“ и „народъ“. Реформы эти касались гражданской жизни, но не могли не касаться и церковной, такъ какъ съ учрежденіемъ св. Сунода совершилось подчиненіе церкви свѣтской власти.

Знакомясь съ памятниками древне-русскаго искусства, мы не можемъ не замѣчать историческое вымираніе власти народнаго русскаго духа въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX. До этого времени наша Русь, заимствуя съ Запада и съ Востока образцы культуры особенно въ искусствахъ, умѣла придавать имъ своеобразный видъ, формы и окраску соотвѣтственно своимъ національно-русскимъ запросамъ и вкуса и приспособить и сочетать все это со своими основными требованіями. Мы это замѣчаемъ въ архитектурѣ въ орнаментикѣ и особенно въ древнемъ художествѣ Руси — иконописи. Но послѣ реформъ Петра съ крутымъ поворотомъ къ Западу начинается періодъ обнищанія культурно-производительныхъ силъ нашего народа вполнѣ русскими національными элементами. Очевидно историческое движеніе русской культуры было надломлено и направлено въ новое русло!

Создавая и украшая православныя церкви и соборы, сооружая для нихъ иконы далеко не всегда и не во всемъ справлялись тогда съ религіозными запросами всего русскаго народа, съ его преданностью преданіямъ церкви, завѣтамъ церковной старины и традиціямъ византійской и древне-русской иконописи, а все это носило часто характеръ ко всему этому пренебрежительнаго и случайнаго отношенія. Понравится какое нибудь зданіе или проэктъ западно-католической архитектуры и вотъ подобнаго вида создавался и православный храмъ въ родномъ отечествѣ. Большинство старыхъ храмовъ Петербурга свидѣтельствуютъ о пренебрежительномъ отношеніи къ историческому прошлому русской церкви и русской жизни. Западные костелы италіянскихъ зодчихъ съ ихъ религіозною живописью привлекали исключительно тогда вниманіе двора и интеллигенціи, а не памятники русской старины. Не иначе какъ у тѣхъ же иностранцевъ заимствовалось это пренебреженіе ко всему, что составляло принадлежность древне-

русской жизни какъ гражданской такъ и церковной. Подобное отношеніе къ памятникамъ церковной старины сохраняется, за нѣкоторыми исключеніями, и посіе время и особенно среди нашего православнаго духовенства. Но отчего именно наше духовенство относится въ большинствѣ случаевъ холодно, если даже недружелюбно, къ археологическимъ памятникамъ церковной старины и особенно къ древней иконописи? Мы упомянули выше, что двухперстіе на дредвне-русскихъ иконахъ послужило своевременно массовому ихъ или удаленію, или исправленію на нихъ десницы, или чаще всего перепискѣ всей иконы. Подобное отношеніе къ древне-русской, такъ называемой теперь „старообрядческой“ иконописи, продолжается до нашихъ дней. Такъ недавно со стороны представителя св. Сунода были препятствія Комитету попечительства о русской иконописи къ выпуску въ свѣтъ иконописнаго подлинника изображеній Спасителя только потому, что нѣкоторыя изъ нихъ съ двухперстной десницею, что можетъ повлечъ соблазнъ для православныхъ. Представители Комитета запротестовали, возражая, что подобныя опасенія лишены достаточныхъ основаній, „такъ какъ во многихъ нашихъ соборахъ и монастыряхъ есть особо чтимыя православными богомольцами иконы, а равно и чудотворныя, съ изображеніемъ двухперстія, но это обстоятельство однако не служило и не служитъ соблазномъ для совращенія отъ православія, такъ какъ оба вида благословенія существовали съ древнѣйшихъ временъ въ греко-восточной церкви“... [5]) Изданіе это вышло въ свѣтъ.

Съ введеніемъ реформъ патріарха Никона при удаленіи изъ церквей древнихъ церковныхъ книгъ и такихъ иконъ значительно пало въ нашемъ духовенствѣ вниманіе и расположеніе и ко всѣмъ прочимъ древнимъ предметамъ церковнаго обихода, древняго убранства храмовъ и особенно святыхъ иконъ. Въ моей статьѣ, изданной Комитетомъ попечительства о русской иконописи: „Сохраненіе памятниковъ древне-русской иконописи“ [6]) указано какъ нашимъ духовенствомъ уничтожались и уничтожаются безъ всякой жалости иногда даже безцѣнные памятники церковной старины, какъ уничтожаются древнія стѣнныя фресковыя росписи нашихъ древнихъ храмовъ и т. д.

Какъ упомянуто выше въ XVIII вѣкѣ живописныя иконы появляются и вытѣсняютъ иногда иконописныя. Для изображенія первыхъ выписывались италіянскіе художники, произведеніямъ которыхъ старались подражать и русскіе иконописцы. Насколько плохи въ большинствѣ случаевъ были эти попытки свидѣтельствуютъ тѣ живописныя иконы, которыя

такъ часто встрѣчаются еще въ нашихъ церквахъ, гдѣ не смѣнила ихъ болѣе модная современная фрязь. Весьма понятно, что такая плохая живопись немогла удовлетворять вкусамъ интеллигенціи познакомившейся съ лучшими образцами западной религіозной живописи, а пользоваться услугами итальянцевъ не всегда было доступно. Какъ такая плохая живопись, такъ и древняя иконопись, сдѣлавшаяся чуждою религіознымъ чувствамъ русской интеллигенціи съ ихъ новыми понятіями, начинаютъ этой послѣдней казаться не художественной, а потому нежелательной. Вышеупомянутыя формы ликвидаціи древне-русской иконописи: удаленіе иконъ, или переписываніе заново оказывались недостаточными и нужна была болѣе прочная ликвидація, чтобы, сохраняя иконы, сокрыть отъ глазъ окончательно ихъ иконопись и тогда додумались до устройства сплошныхъ ризъ, ввидѣ металлическихъ досокъ съ выгравированными изображеніями подобіемъ рисунку сокрытой подъ ними иконописи... Религіозное чувство однако воспрепятствовало прикрытію тѣхъ частей святыхъ изображеній, которыя открыты въ иконописи т. е. ликовъ, рукъ и не обутыхъ ногъ, для чего дѣлаются въ сплошныхъ ризахъ спеціальныя отверстія.

Съ введеніемъ въ употребленіе сплошныхъ металлическихъ ризъ значеніе, почти совершенно скрываемой ими, иконописи очевидно должно было пасть. Молебная икона стала цѣниться соотвѣтственно вѣсу драгоцѣннаго металла и изящества ювелирной работы ризы и драгоцѣнныхъ на ней украшеній и такія иконы можно пріобрѣсти въ любомъ ювелирномъ магазинѣ. Объ иконописи такихъ иконъ рѣдко высказываютъ сужденіе, такъ какъ лики, ручки и ступни ногъ большею частью одного шаблоннаго типа въ современномъ вкусѣ.

О томъ какъ прочно была ликвидирована русская иконопись въ началѣ напримѣръ XIX вѣка можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Объ иконописи забыли свѣтскія власти, просвѣщенная русская интеллигенція и духовенство и имъ напомнилъ о ней однажды нѣмецкій поэтъ Гете, пожелавшій получить свѣдѣніе о „суздальскомъ“ иконописаніи. Этотъ запросъ тогда поставилъ въ тупикъ русскихъ людей. Поручено было навести справки министру внутреннихъ дѣлъ. Спрошенный знаменитый исторіографъ Карамзинъ призналъ себя въ этомъ вопросѣ некомпетентнымъ. Принялись искать очаги „суздальской“ иконописи и этому помогъ и выручилъ Владимірскій губернаторъ, указавъ ихъ мѣстонахожденіе, и нѣмецкаго поэта снабдили свѣдѣніями и образцами „суздальскаго“ искусства [7]).

Въ данное время въ нашихъ церквахъ встрѣчаются больше иконы живописныя, причемъ часто живопись художника, такъ называемый „подмалевокъ“, поступая въ руки иконописцевъ, получаетъ нѣкотораго рода передѣлку въ тушевкѣ, въ украшеніяхъ доличнаго и въ прочемъ, что сообщаетъ изображенію отчасти нѣкоторые признаки иконописи, конечно почти всегда во вредъ художественному значенію. Такая иконопись описана мною въ особомъ изданіи и названа „современной фрязью“ [8]).

Религіозная живопись въ Россіи въ произведеніяхъ русскихъ художниковъ съ XIX вѣка опредѣляла смѣлыми шагами самостоятельность своего существованія. При высокомъ развитіи, эта отрасль русскаго искусства могла съ успѣхомъ удовлетворять эстетическимъ запросамъ русской интеллигенціи и наши новые соборы и церкви украсились подобными произведеніями. Эти послѣдніи, при сужденіи о древне-русской иконописи, ставились интеллигенціей съ ней въ сравненіе и при этомъ часто иконопись критиковалась какъ неудачное художественное произведеніе, а не какъ молебная икона полная глубокаго религіознаго смысла, созданная не для удовлетворенія эстетическихъ запросовъ, но исключительно религіозныхъ. Викторъ Михайловичъ Васнецовъ внесъ элементы византійскаго древне-русскаго искусства въ свои произведенія черезъ знакомство съ памятниками древней иконописи и этимъ какъ бы указалъ русской религіозной живописи новый путь, слѣдованіе по которому могло бы успѣшнѣе отвѣчать національно-культурнымъ и религіознымъ запросамъ русскихъ. Современные иконописцы пользуются подмалевками -копіями художниковъ и съ такихъ произведеній для превращенія и ихъ въ современную фрязь. Живопись на столько успѣшно вытѣснила иконопись, что ею покрываютъ иногда стѣны нашихъ древнихъ соборовъ и даже копія съ общеизвѣстныхъ, всенародно чтимыхъ древнихъ иконъ изображаются чаще лишь по древнимъ переводамъ, но все остальное живописью. Вотъ краткая характеристика судьбы русской иконописи послѣ Никоновскихъ церковныхъ реформъ, но чтобы ее дополнить, скажемъ нѣсколько словъ о той „суздальской“ иконописи, о которой нѣкогда Гете напомнилъ русскимъ просвѣщеннымъ людямъ.

Мы уже упомянули выше, что простой русскій народъ въ массахъ оставался вѣрнымъ своимъ исконнымъ запросамъ къ русской иконописи и иконописцы-кустари изготовляли ему иконы въ древне-иконописномъ стилѣ въ своихъ селахъ Холуѣ, Палехѣ и въ слободѣ Мстерѣ. Афени возами вывозили отъ туда иконы и доставляли въ безчисленныя русскія

села и деревни [9]). Но какіе запросы къ качеству иконописи могъ предъявлять нашъ забытый культурой народъ, да при своемъ скудномъ достаткѣ? Очевидно роль играла цѣна, а о качествѣ не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ какъ не прочно стоялъ народъ въ своемъ требованіи къ православной иконѣ, а въ концѣ концовъ потянулся за просвѣщенными господами и духовенствомъ. Явилось желаніе имѣть иконы въ ризахъ, подобно тѣмъ, что онъ видѣлъ въ церквахъ и у господъ и вотъ, соотвѣтственно этой новой потребности, развивается производство фолежныхъ иконъ т. е. иконъ съ фольговыми уборами, на подобіе ризъ, въ кіотахъ за стекломъ. Иконопись падаетъ въ спросѣ, такъ какъ въ подъуборныя иконы пишутся только лики, руки и ступни. Недостатокъ средствъ, а главное упадокъ усердія къ почитанію иконы заставляетъ экономить покупателя и вотъ вводится въ употребленіе вмѣсто фольги золоченая бумага, а иконописныя части замѣняются печатной картинкой. Еще раньше появились тѣже картинки, наклеенныя на деревянныя дощечки, что давало видъ рукописныхъ иконъ. Постепенно рукописныя иконы для народа стали видоизмѣняться въ сторону подражанія живописи, побужденіе къ чему заимствовалось изъ тѣхъ же источниковъ. При этомъ качество выполненія падало до невѣроятности при прогрессивномъ удешевленіи цѣнъ въ конкуренціи съ печатными иконами, а самый трудъ все хуже оплачивался.

О томъ, что икона имѣетъ столь важное значеніе въ религіозной жизни народа и что послѣдній по своей некультурности, темнотѣ нуждается въ попеченіи тѣхъ, кто обязаны охранять интересы церкви, интересы вѣры, о томъ не думали и не заботились! Духовныя нужды поильца и кормильца государства были забыты! Но за всѣмъ этимъ зорко слѣдили новые его благодѣтели иностранцы французы, которые тонко учли всѣ благопріятныя обстоятельства тому, чтобы на эксплотаціи религіозныхъ потребностей русскаго православнаго народа заработать огромное состояніе. Французы эти были фабриканты вакси и металлическихъ для этого продукта коробокъ. Они то и придумали печатать православнымъ на жести иконы на подобіе того, какъ изготовлялись ими вышеуказанныя коробки. Святѣйшій Сунодъ не припятствовалъ этому использованію религіозныхъ потребностей православнаго русскаго народа иностранцами для ихъ обогощенія, которые скоро и наводнили святую Русь своими фабрикатами. Ручной кустарный трудъ иконописцевъ получалъ отъ того огромный подрывъ и конкуренціи способствовало какъ дешевизна—новой металлической ими-

таціи иконы, такъ и лучшее въ художественномъ отношеніи ея выполненіе, при усиливающемся спросѣ на живопись, замѣнившую иконопись. Иконописцы-кустари забили тревогу, такъ какъ они поняли, что ихъ ручная икона должна пойти на исчезновеніе. Спокойнѣе отнеслись тѣ, которые, какъ искусные мастера, писали иконы для церквей и состоятельныхъ классовъ.

Все вышеуказанное о современномъ положеніи русской иконописи дѣлитъ эту послѣднюю на три части соотвѣтственно потребностей предъявляемыхъ къ ней со стороны русскаго населенія. Для религіозныхъ потребностей русскихъ старообрядцевъ и почиталей древней иконописи въ рукахъ иконописцевъ сохраняется преемственно по наслѣдію древнерусское мастерство, которое не шло почти дальше копированія старинныхъ образцевъ иконописи. Для религіозной потребности простого народа иконопись все меньше и меньше изготовляется, ее вытѣсняетъ машинная имитація иконы, имѣющая успѣхъ вслѣдствіе развивающагося спроса въ народѣ на живопись взамѣнъ иконописи и въ подражаніе духовенству и интеллигенціи. Для религіозной потребности послѣдней или никакихъ иконъ и обрядовъ нетребуется, или ей служитъ живопись, или особая форма иконописи—современная фрязь.

Иконопись въ томъ видѣ какъ она существовала въ дониконовскую эпоху русской церкви почти ликвидирована, продолжая свое историческое существованіе главнымъ образомъ въ старообрядческой части русскаго народа...

Основаніе и дѣятельность Комитета иконописи.

Въ это критическое время для ручной народной иконописи въ исторіи русскаго иконописанія произошло событіе, которымъ былъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 19 Марта 1901 года объ учрежденіи Комитета попечительства о русской иконописи. Этимъ указомъ признавалось, что благолѣпіе храмовъ Божіихъ и украшающихъ оные святыхъ иконъ составляетъ предметъ душевной потребности православнаго русскаго народа и указывалось на то, что учрежденіе Комитета вызвано заботами Монарха о процвѣтаніи русской иконописи и объ охраненіи въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцевъ нашей старины. Комитетъ иконописи былъ основанъ. Въ составъ его вошли, помимо предсѣдателя и управляющаго дѣлами, представители

министерствъ. Цѣль Комитета состояла въ томъ, чтобы „изыскать мѣры къ обезпеченію благосостоянія и дальнѣйшаго развитія русской иконописи; сохраненіе въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцевъ русской старины и византійской древности; содѣйствіе иконописи въ достиженіи художественнаго совершенства и установленіе дѣятельныхъ связей ея съ религіозной живописью въ Россіи вообще и церковною живописью въ частности". Для достиженія этихъ цѣлей Комитету было предоставлено: открывать иконописныя школы, содѣйствовать устройству артелей иконописцевъ, издавать для нихъ руководства, пособія и лицевой иконописный подлинникъ, открывать иконныя лавки, устраивать иконописныя и художественныя выставки, музеи и собранія [10]). Средства на все это отпускались изъ Государственнаго Казначейства, а въ данное время при наличности утвержденія Государственной Думы. Теперь сдѣлаемъ обзоръ дѣятельности Комитета, чтобы понять какъ онъ справлялся со своими задачами.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ основанію Комитета иконописи было поднять и развить кустарный ручной трудъ народнаго иконописанія, которому печатное машинное производство иконъ угрожало конечною гибелью. Представители Комитета тогда ясно сознавали, что пока будетъ существовать и развиваться производство печатной иконы, невозможно удержать отъ паденія ручной трудъ иконописцевъ пишущихъ иконы для религіозной потребности многомилліоннаго простого русскаго народа. Средства для борьбы Комитету были тогда ясны. Онъ понималъ, что путь тутъ одинъ и въ первомъ же своемъ засѣданіи единогласно опредѣлилъ: „обратиться къ святѣйшему правительствующему Сѵноду съ просьбою воспретить указомъ на будущее время всякое машинное производство печатныхъ подражаній рукописной иконы исполняемыхъ на жести, деревѣ и т. д., разрѣшивъ лишь обращеніе въ продажѣ гравюръ и литографій въ видѣ отдѣльныхъ листковъ, не наклеиваемыхъ на доску, и чтобы святѣйшій Сѵнодъ объявилъ монастырскимъ и духовнымъ властямъ, въ подтвержденіе православнаго обычая, что иконами храмовыми и молебными должны быть признаваемы только иконы писанныя рукой". [11]) При этомъ Комитетъ высказалъ и о томъ какое зло для народа можетъ быть, если машинная икона замѣнитъ ручную. „Машинное исполненіе неминуемо унизитъ тогда икону и такая поддѣльная икона будетъ вызывать неуваженіе къ образу и нарушитъ вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви". Этимъ самымъ Комитетъ ука-

Гос. ... Б-ка
Инв. ...
... г.

залъ на всю важность для судьбы русскаго иконописанія этого рѣшенія св. Сунода и этотъ шагъ Комитета былъ самымъ вѣрнымъ и необходимымъ! Казалось бы, что если св. Сунодъ откажетъ Комитету иконописи въ абсолютномъ церковномъ осужденіи и въ непризнаніи всякой не рукописной иконы и не пойдетъ всей мощью своего церковнаго авторитета на встрѣчу дѣлу поднятія иконописи для удовлетворенія насущной религіозной потребности православныхъ, то Комитетъ сложитъ оружіе и признаетъ безцѣльнымъ всѣ дальнѣйшія усилія къ поднятію дѣла народнаго иконописанія или же своею практическою дѣятельностью, не разсчитывая на помощь св. Сунода и духовенства, будетъ разъяснять и вліять на народъ въ пользу значенія рукописныхъ иконъ для сохраненія иконопочитанія, обычаевъ и преданій грекоовосточной церкви! Но Комитетъ иконописи не получилъ отъ св. Сунода того, о чемъ просилъ, если не считать воспрещенія торговли печатными на жести иконами въ монастырскихъ и церковныхъ лавкахъ (опредѣленіемъ отъ 6 Февр, и 3 Мая 1902 года, № 564), [12]) что, по признанію управляющаго Комитетомъ, практическаго значенія почти не имѣло, такъ какъ частныя лавки съ такими иконами возникали близъ монастырскихъ воротъ. Комитетъ не получилъ просимаго отъ св. Сунода, но, несмотря на это, началъ и продолжалъ свою дѣятельность, какъ бы игнорируя такимъ важнымъ фактомъ, безъ котораго многія его предпріятія и дѣйствія не могли имѣть успѣха.

Изъ журнала засѣданія Комитета 10 Марта 1903 г. [13]) мы узнаемъ изъ прочитанной отвѣтной записки оберъ-прокурора св. Сунода, что воспрещеніе печатанія иконъ зависитъ не отъ духовной власти, „не имѣющей къ тому церковнаго основанія, а отъ законодательной. При запрещеніи машиннаго производства иконныхъ изображеній должны будутъ закрыться существующія для сего заведенія и могутъ подняться иски и требованія о возмѣщеніи убытковъ и что это дѣло не можетъ быть обсуждаемо безъ участья министерства финансовъ, такъ какъ въ зависимости отъ такого запрещенія находится значительная отрасль художественной промышленности“. Считаю, что мнѣнія представителей министерствъ теряютъ значенія послѣ такого отвѣта оберъ-прокурора св. Сунода, такъ какъ изъ него мы узнаемъ, что у св. Сунода „нѣтъ церковнаго основанія“, чтобы путемъ осужденія и запрещенія всякой печатной иконы, „сохранить нерушимымъ почитаніе святыхъ иконъ со стороны вѣрующаго православнаго народа“, какъ „нѣтъ церковнаго основанія“, чтобы сохранить нерушимыми вѣковыя обычаи и

преданія греко-восточной православной церкви. Представитель св. Сунода не сравненно болѣе былъ озабоченъ тѣми финансовыми убытками, которые можетъ понести министерство финансовъ отъ прекращенія печатанія иконъ со стороны французскихъ предпринимателей и прочихъ фабрикъ и литографій. Я прямо и категорически ставлю вопросъ: какое дѣло церкви въ защитѣ религіозныхъ интересовъ паствы до рѣшеній господина министра финансовъ или до денежныхъ интересовъ какихъ бы то нибыло фабрикантовъ?!

Изъ всѣхъ членовъ Комитета только одинъ, а именно представитель кустарнаго комитета министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ высказалъ основную для всего дѣла истину, что „успѣшная дѣятельность Комитета иконописи возможна лишь при поддержкѣ св. Сунода и послѣднему надо предоставить принимать запретительныя мѣры противъ машинныхъ поддѣлокъ иконъ, но не Комитету, которому задача эта не по силамъ“. [14]) Въ результатѣ всѣхъ обсужденій Комитетъ принялъ слѣдующія мѣры для поддержанія и развитія русскаго иконописанія: воспретить пропускъ изъ заграницы въ Россію всякаго рода православныхъ иконъ и религіозныхъ листковъ. Предоставить право печатнаго производства православныхъ иконъ и священныхъ изображеній исключительно лаврамъ, монастырямъ и нѣкоторымъ учрежденіямъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Допускать въ церквахъ употребленіе исключительно рукописныхъ иконъ. Установить художественно и догматически освѣдомленную цензуру при участьи Комитета. [15]) 22-го Марта 1903 года мѣры эти получили Высочайшее одобреніе. [16])

Журналъ засѣданія Комитета отъ 6 Мая 1905 г. знакомитъ насъ съ отзывами министровъ и оберъ-прокурора св. Сунода относительно вышеуказанныхъ, два года назадъ Высочайше одобренныхъ предположенныхъ мѣропріятій Комитета для поднятія русскаго иконописанія; при этомъ не сказано, что путемъ окончательнаго осужденія всякой печатной иконы и прекращенія обращенія ея въ русскомъ православномъ народѣ, но уже сказано, что путемъ „сокращенія и упорядоченія машиннаго производства иконъ“. [17]) Изъ однихъ этихъ словъ уже становится яснымъ, насколько Комитетъ отступилъ отъ первоначальныхъ основныхъ своихъ взглядовъ на машинную икону и теперь считаетъ упорядоченіе машинной иконы также „мѣрою“ къ поднятію и развитію русскаго иконописанія. Оказывается, что всѣ министры, послѣ двухлѣтняго обсужденія вышеуказанныхъ мѣръ, отнеслись сочувственно. Министерство Императорскаго Двора сообщило при этомъ заключеніе протопресвитера отца І. Л. Янышева [18])

ввидѣ нѣкоторыхъ добавленій, чтобы разрѣшено было привозить иконы съ Аѳона и другихъ православныхъ странъ, чтобы право печатанія иконъ было предоставляемо всякому православному предоставившему цензурѣ доказательства своей освѣдомленности въ догматическихъ и художественно-техническихъ основаніяхъ и чтобы замѣна въ церквахъ печатныхъ изображеній рукописными иконами производилась въ томъ случаѣ, если послѣднія будутъ лучше первыхъ и ихъ стоймость не превышать церковныя средства. Министерство Финансовъ высказало весьма скромное требованіе касавшіеся главнымъ образомъ постепенности введенія ограничительныхъ мѣръ для печатныхъ иконъ, вѣроятно довольствуясь столь рачительными вышеуказанными попеченіями о финансовыхъ интересахъ своего вѣдомства со стороны оберъ-прокурора святѣйшаго Сунода. Особенно же важнымъ для дѣла были замѣчанія [19]) тогоже оберъ-прокурора, которыя всѣ клонились противъ стѣсненій машиннаго производства иконныхъ изображеній и къ выясненію того, что для народной потребности въ священныхъ изображеніяхъ цѣлесообразно распространеніе правильно и художественно исполненныхъ иконъ, а подобной цѣли при громадномъ спросѣ и при разбросанности необозримаго народнаго рынка, можетъ удовлетворить одно лишь машинное производство иконъ. Одно рукописное производство иконъ не достаточно для вышеуказанной цѣли, такъ какъ оно становится предметомъ безъявочной и безпорядочной дѣятельности частнаго промысла, за которымъ услѣдить не возможно. Это заключеніе оберъ-прокура послужитъ интереснымъ документомъ для будущаго историка современной русской церкви. Нѣтъ въ нихъ ни единаго слова о религіозномъ значеніи святыхъ рукописныхъ иконъ для церквей, какъ собранія вѣрующихъ православныхъ христіанъ, ни единаго звука объ ихъ религіозныхъ запросахъ и объ поддержаніи иконопочитанія „при сохраненіи обычай и преданій святой греко-русской церкви“! Очевидно, что для всего этого за эти два года также не нашлось „церковнаго основанія“! Нужно подчинить цензурѣ духовнаго вѣдомства новосооружаемыя молебныя иконы для православныхъ и это легче выполнить на практикѣ съ печатными изображеніями, чѣмъ съ рукописными иконами, и потому первымъ не нужно препятствовать уничтожить послѣднія, такъ какъ онѣ для такихъ видовъ начальства удобнѣе. Важно то, что этимъ документально подтверждается виновность нашего духовнаго вѣдомства въ погубленіи народной русской православной иконописи, съ замѣною ее печатною имитаціею, что согласно вышеуказаннаго мнѣнія

представителей Комитета иконописи, „неминуемо унизитъ икону и такая поддѣльная икона будетъ вызывать не уваженіе къ образу и нарушитъ вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви"!

Представитель св. Сунода однако не согласился съ Высочайше одобренымъ предположеніемъ Комитета иконописи предоставить иконопечатаніе лаврамъ и монастырямъ такъ какъ, по его словамъ „самый монастырь получилъ бы неканоническій видъ и пріобрѣлъ бы неканоническое значеніе промышленнаго предпріятія и торговой фирмы, чего и канонически, и въ нравственномъ отношеніи допустить невозможно". [20]) И такъ первоначальные взгляды на запретительныя мѣры по отношеніи печатной иконы со стороны Комитета иконописи отошли въ область прошлаго. Въ засѣданіи 10 Марта 1903 года не признавалось уже болѣе „зла" въ самомъ печатаніи иконъ, слѣдствіемъ котораго „неминуемо унизится икона и будетъ вызвано къ ней неуваженіе и нарушатся вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви". Обо всемъ этомъ Комитетъ уже не заботится, очевидно повѣривъ представителю духовнаго вѣдомства, что „нѣтъ на то церковнаго основанія". Теперь оказалось главное „зло" въ томъ, что иконопечатаніе попало „въ дурныя руки" [21]) и представитель св. Сунода, учрежденія духовнаго, высказалъ попеченіе о свѣтскихъ интересахъ министерства Финансовъ, а представитель Комитета иконописи, свѣтскаго учрежденія, чтобы не остаться вѣроятно въ долгу, выказалъ попеченіе о томъ, чтобы „возвратить монастырямъ утраченное ими духовное наслѣдіе вѣковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возмѣстить тотъ убытокъ, который они понесутъ отъ прекращенія торговли жестяными издѣліями" [22]) черезъ предоставленіе имъ иконопечатанія. Но какъ безразлично для подстрѣленной дичи какому желудку суждено ее поглатить, такъ равно безралично для нашихъ иконописцевъ чьимъ фабрикамъ „духовнымъ" или „свѣтскимъ" придется послужить причиною уничтоженія ихъ дѣятельности на удовлетвореніе вѣковымъ религіознымъ потребностямъ православныхъ. Съ этихъ поръ уже приходилось слышать, что ручной трудъ кустарей, пишущихъ дешевыя иконы для народа, можетъ низводить иконопись лишь до степени ремесла и ронять искусство и что поддерживать такой трудъ не долженъ бы входить въ кругъ культурныхъ задачъ Комитета. Комитетъ официально призналъ право на существованіе печатныхъ иконъ и даже включилъ въ кругъ своей обязанности о нихъ заботиться и этого достаточно, чтобы окончательно уничтожить всѣ большія надежды иконописцевъ, которыя первоначально на него возлогались... Но нельзя пос-

тавить въ вину Комитету, что онъ при такой перемѣнѣ фронта въ своей дѣятельности и въ понятіи своихъ задачъ отнесся вполнѣ безучастно къ народному горю обездоленныхъ иконописцевъ, такъ какъ таковые передавали, что они въ Мстерѣ получили, ввидѣ утѣшенія, предложеніе отъ представителя Комитета устроить, взамѣнъ теряемаго ими заработка въ иконописаніи, товарищество на паяхъ для учрежденія собственной литографіи для печатанія иконъ на деревѣ. Это предложеніе наши кустари конечно не приняли, изъ иконописцевъ въ фабрикантовъ—литографовъ превратиться возможнымъ не нашли и французы иконо-печатники и подобныя сунодальныя учрежденія этой „конкуренціи“ избѣжали... Чтоже касается до печатныхъ иконъ на бумагѣ съ наклейкой на дерево, которыя изготовляются уже „въ вѣрныхъ и надежныхъ рукахъ“, напримѣръ, въ московской сунодальной типографіи по рисункамъ живописцевъ, то эти поддѣльныя подъ рукописныя иконы неимѣютъ ничего общаго съ художественными образцами византійской и древне-русской старины, а остаются лишь литографскими картинками съ литографскими произвольными колерами и съ какими то бордюрчиками на поляхъ и оскорбительны для религіознаго чувства того, кому дороги обычаи и преданія православной церкви! Казалось бы сунодальнымъ учрежденіямъ слѣдовало бы если уже издавать, то точнѣйшія копія съ чтимыхъ всенародно святыхъ древнихъ иконъ, какъ это старается дѣлать и Комитетъ иконописи въ своемъ изданіи подлинника, но при этомъ на доски ихъ не наклеивать и православныхъ не смущать, щадя ихъ религіозныя чувства!

Это послѣднее еще доказательство тому, какую сильную опозицію встрѣтилъ вышеуказанный указъ нашего благочестиваго Государя въ духовномъ вѣдомствѣ и какъ сильно въ послѣднемъ нерасположеніе въ сторону возрожденія современной иконописи въ духѣ утраченныхъ древнихъ началъ!

Изъ вышеуказанной отвѣтной записки оберъ-прокурора св. Сунода мы узнали, что у духовной власти нѣтъ „церковнаго основанія“ для воспрещенія печатныхъ иконъ, изъ чего можно заключить что есть „церковное основаніе“ не только чтобы ихъ признавать, но даже чтобы развивать ихъ производство путемъ устраненія тѣхъ „стѣсненій“, о которыхъ когда то такъ настоятельно хлопоталъ Комитетъ попечительства о русской иконописи, отстаивая право на существованіе въ русскомъ православномъ народѣ рукописныхъ иконъ. Для освѣщенія этого вопроса придется прибѣгнуть къ историческимъ даннымъ.

Въ вышеприведенномъ вѣроопредѣленіи VII вселенскаго собора предлогаются для поклоненія иконы безразлично отъ того будутъ ли онѣ „написаны красками, или сдѣланы изъ мозаики, или какого либо другого вещества и будутъ ли находиться въ св. церквахъ Божіихъ, на освященныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ"... Какъ скоро въ данномъ вѣроопредѣленіи иконы молебныя допускаются какъ „написанныя красками" такъ и сдѣланныя „изъ какого либо вещества", то слѣдовательно въ смыслѣ вещества онѣ могутъ быть сдѣланы изъ бумаги, изъ жести, изъ золота или иного металла, изъ камня, изъ дерева и т. д... Слѣдовательно суть дѣла не въ веществѣ иконы, но въ томъ, чтобы ея изображеніе возбуждало къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ и къ пріобрѣтенію большей къ нимъ любви и давало „болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе и поклоненіе". [23]) Эти послѣднія слова въ вышеприведенномъ вѣроопредѣленіи считаемъ особенно важными для сужденія о томъ, что можно ли находить „церковное основаніе" въ распространеніе печатныхъ иконъ среди русскаго православнаго народа, когда такія иконы не могутъ въ сравненіи съ рукописными давать „болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе и поклоненіе", а напротивъ, по словамъ академика Н. П. Кондакова, печатное машинное исполненіе унизитъ икону, такъ какъ, напримѣръ, жестяная печатная икона поставитъ ее наряду и наравнѣ съ другими издѣліями торговой фирмы производящей изъ крашенной жести коробки для ваксы. Поддѣльная икона вызоветъ неуваженіе къ образу. Машинное печатное производство поведетъ къ быстрой утратѣ православнаго характера священныхъ ликовъ, выработанныхъ вѣковой работой иконописцевъ, такъ какъ мастера фабриканта, представителя базарныхъ вкусовъ, ему въ угоду, будутъ стремиться къ прикрасамъ, а въ ликахъ къ слащавости и миловидности, которыя отличаютъ печатныя и литографскія воспроизведенія религіозныхъ образовъ въ католическомъ мірѣ. Черезъ стремленіе наполнить рынокъ лишь ходовыми иконмми и по этому болѣе прибыльными литографіямъ и фабрикантамъ уничтожится православный обычай имѣть, при желаніи, каждому икону своего Святаго. Съ распространеніемъ печатныхъ издѣлій будетъ уничтожена среда иконописцевъ, вѣдующихъ дѣло иконописанія, отчего въ иконописи отымется сила личнаго религіознаго чувства и благочестія дарующаго даже неискусснному образу высокій характеръ, вліяющій на молебщика. [24]) Въ этихъ словахъ почтеннаго академика такъ ясно опредѣлено то зло, которое съ замѣною рукописныхъ иконъ печатными, неминуе-

мо отзовется на иконопочитаніи среди русскаго православнаго народа, что не можетъ согласоваться съ вышеприведеннымъ вѣроопредѣленіемъ VII вселенскаго собора и потому не можетъ быть и рѣчи объ отсутствіи у нашего церковнаго вѣдомства „церковнаго основанія“ для открытаго и офиціальнаго осужденія печатныхъ иконъ...

У насъ умышленно какъ бы обходятся главные вышеуказанныя основанія для церковнаго запрещенія поклоненія печатнымъ иконамъ... Дѣло не въ веществѣ, какъ мы высказались и, быть можетъ, не въ способѣ изготовленія, но въ тѣхъ результатахъ распространенія печатныхъ иконъ при замѣнѣ ими рукописныхъ, которые не согласуются съ опредѣленіемъ вселенскаго собора о назначеніи молебной иконы. Конечно способъ машинно-печатнаго производства иконъ не могъ быть извѣстенъ отцамъ VII вселенскаго собора, такъ какъ до Гуттенберга было много тогда вѣковъ впереди; но, познакомившись съ приведенными выше сужденіями о томъ безконечномъ злѣ, которое не можетъ не нанести печатная икона, замѣнившая рукописную, иконопочитанію со стороны вѣрующихъ, нельзя въ одно время быть православнымъ и не быть увѣреннымъ въ томъ, что если бы вопросъ о печатныхъ иконахъ могъ существовать на VII вселенскомъ соборѣ при томъ вышеуказанномъ освѣщеніи, которое исходитъ изъ знакомства съ религіозной жизнью народа, то отцы церкви единогласно бы подали голосъ за полное ихъ осужденіе. Это заключеніе неоспоримо, такъ какъ смыслъ вѣроопредѣленія этого собора ясно и понятно изложенъ.

Но бросимъ взглядъ и на другія стороны дѣятельности Комитета иконописи, которую онъ велъ своимъ порядкомъ, минуя несостоявшееся выполненіе вышеописанной самой главной своей задачи.

Первымъ дѣломъ вниманіе Комитета устремляется и на Владимірскіе очаги иконописи, гдѣ безъ всякой правительственной опеки, а исключительно питаемая и поддерживаемая заказами русскаго народа, русская иконопись не прекращала своего существованія. Участье въ этомъ дѣлѣ Комитета выразилось въ томъ, что были реорганизованы старыя или основаны вновь иконописныя школы во всѣхъ трехъ селеніяхъ, а послѣ въ четвертомъ Борисовкѣ, но въ Кіевской губерніи. Для школъ былъ выработанъ Комитетомъ уставъ. Во главѣ ихъ стали художники-преподаватели, а для обученія иконописи были приглашены иконописцы. Дѣтей, желающихъ поступать, первоначально было такъ много, что ели хватало мѣста. Время шло, дѣти учились и кончали курсъ обученія. Родители иконописцы подводили итоги практическимъ зна-

ніямъ дѣтей и высказывали неудовольствіе, какъ равно хозяева мастерскихъ, куда они поступали на работу. На рынкѣ спросъ преимущественно на живописныя иконы. Но чтобы писать самостоятельно живописныя изображенія, выученники школъ далеко недостаточно освѣдомлены. Они не художники. Школа дала имъ только общее начальное знаніе рисованія. Спросъ на иконопись, хотя ограниченный, но все же имѣется, но тутъ родители ожидали, что школа дастъ большое, чѣмъ обычное обученіе въ ихъ мастерскихъ; но оказалось, что дѣти выносили не тѣ знанія мастерства, которыя требовала практика дѣла и ихъ надо было переучивать. Между населеніемъ иконописныхъ селъ и Комитетскими школами устанавливаются особенно въ Мстерѣ уже менѣе теплыя отношенія. Но не школы главнымъ образомъ тутъ виноваты. Онѣ вносили просвѣщеніе въ закоснѣлую среду иконописцевъ и въ этомъ просвѣтительномъ значеніи имъ нельзя отказывать! Дѣло въ обстоятельствахъ всего иконописнаго дѣла, которое упало. Школы выпускаютъ новыхъ и новыхъ работниковъ, негодныхъ для живописи, но ожидающихъ возможность приложить руки къ иконописному дѣлу, а спросъ на такія рабочія руки упалъ. Предложенія бывали такъ скудны, что оставалось юношѣ искать работы на иномъ поприщѣ, чтобы имѣть что либо сносное въ матеріальномъ отношеніи. Среди родителей понятно появился ропотъ, такъ какъ среди безработныхъ оказывались ихъ дѣти выученники Комитетскихъ школъ. У родителей естественно терялось желанье отдавать въ нихъ дѣтей и количество учениковъ въ нихъ значительно понизилось и особенно въ Мстерѣ, гдѣ ихъ недавно было едвали не шестая часть первоначальнаго количества... Школы имѣютъ задачи готовить иконописцевъ, а иконопись почти ликвидирована и только небольшая часть народа предъявляетъ на нее ограниченный спросъ. Народная иконопись также на пути къ ликвидаціи, ее замѣняетъ машинная печатная имитація. Это нужно было имѣть въ виду, открывая школы и сначала создать спросъ на трудъ, а тогда уже готовить рабочія руки!

Въ кругъ задачъ Комитета входило устройство высшихъ художественныхъ иконописныхъ мастерскихъ. Казалось бы, что такія высшія школы должны быть составлены изъ наиболѣе талантливыхъ выученниковъ низшихъ Комитетскихъ школъ, чтобы выдвигать даровитыхъ людей изъ народа и давать имъ возможность получить законченное высшее художественное образованіе. Но Комитетъ иконописи посмотрѣлъ на это дѣло иначе и рѣшилъ предоставить устраивать такія высшія художественныя мастерскія существующимъ спе-

ціально художественнымъ училищамъ, а въ Петербургѣ Академіи Художествъ и поэтому успѣхъ дѣла становился уже внѣ зависимости отъ Комитета и если бы таковой и былъ достигнутъ, то это всецѣло было бы обязано вышеуказаннымъ училищамъ. Въ Москвѣ такая высшая художественная мастерская, по иниціативѣ Комитета, была открыта при Строгановскомъ училищѣ, на директора котораго возлагались большія надежды, но онъ совершенно не понялъ этой задачи. Нѣсколько юношей, соблазненныхъ послѣднимъ переспективой сдѣлаться художниками иконописи и религіозной живописи подъ руководствомъ спеціальныхъ преподавателей, перешли во вновь открытое при школѣ иконописное отдѣленіе. Предполагаемая программа обученія не нашла примѣненія и дѣло кончилось тѣмъ что будущіе художники не получили въ этомъ отдѣленіи ни какого иного спеціальнаго преподаванія кромѣ примитивнаго понятія о мастерствѣ иконописанія подъ руководствомъ иконописца. На этомъ кончились попытки устроить въ Москвѣ „высшую художественную мастерскую“ и было очень жаль разочарованныхъ въ своихъ ожиданіяхъ юношей, которыхъ училище понапрасну отвлекло отъ прежняго пути и заставило потерять безъ пользы время.

Комитетъ во исполненіе принятыхъ задачъ, выказалъ попеченіе о безработныхъ иконописцахъ содѣйствіемъ образованію изъ нихъ артелей. Артели предпологались школьныя и внѣшкольныя. Для первыхъ не было даже создано особыхъ мастерскихъ. Нужно полагать, что школьныя артели должны бы были служить практическимъ цѣлямъ для кончившихъ курсъ юношей, доставляя имъ возможность трудиться при продолжающимся руководствѣ учителей, а равно и для той же цѣли учащихся. Что школьныя артели были, о томъ свидѣтельствовать могутъ тѣ иконы ихъ мастерства, которыя я видѣлъ въ Комитетской лавкѣ, но ихъ нужно прятать, такъ какъ тѣ, что я видѣлъ, для выпуска въ обращеніе не годятся. Я видѣлъ даже такія, которыя обсыпались, не выходя изъ лавки. Между тѣмъ въ Комитетѣ дѣлались запросы о томъ, какъ поступать съ заказами направленными въ школьныя мастерскія. Иконописцы сказывали, что таковые выполнялись въ собственныхъ мастерскихъ учителей-иконописцевъ, обогощая послѣднихъ, къ крайнему огорченію безработныхъ Комитетскихъ ученниковъ и выученниковъ. Судьба внѣшкольныхъ артелей не менѣе печальна и все по той же самой причинѣ—по отсутствію сбыта и заказовъ на иконопись. Работа, минуя не практичныхъ мастеровъ артелей, оставалась достояніемъ крупныхъ иконописныхъ мастерскихъ, хозяева которыхъ были опытными дѣятелями на коммерческомъ по-

прищѣ. Иконопись почти ликвидирована и для увеличенія на нее спроса ничего не сдѣлано, а потому устраиваться артелямъ—большее заблужденіе! Это только дало много огорченій и матеріальныхъ бѣдствій тѣмъ, кто поступалъ въ такое сообщество, ожидая черезъ это выхода изъ тяжелаго положенія. Такія артели практическаго успѣха не могли имѣть, распадались и осуществленіе этой задачи со стороны Комитета нужно признать неудачнымъ!

Но въ кругъ задачъ дѣятельности Комитета иконописи входили заботы о питаніи работой иконописцевъ и ихъ артелей, для чего ему дано право открывать иконныя лавки. Одна такая лавка была открыта въ домѣ Комитета, въ Петербургѣ, но ея оборотъ, покрайнѣ мѣрѣ года два—три назадъ, былъ ничтожный, какъ и доходность при значительно превышающемъ послѣднюю тысячномъ расходѣ. Затрачены средства на обстановку, на товаръ, который главнымъ образомъ составлялся изъ иконъ присылаемыхъ на комиссію, но, осмотрѣвъ, такой товаръ можно было вспомнить пословицу: „на Тебѣ Боже, что мнѣ не гоже“. Дѣло въ томъ, что, при ограниченности сбыта или оборота, комиссіонному товару приходилось по долгу гостить въ лавкѣ, что не соотвѣтствовала интересамъ владѣльцевъ и вотъ почему прислано было много такихъ иконъ, которыхъ сбытъ былъ бы затруднительнымъ, гдѣ бы онѣ не стояли, между послѣдними, конечно, находились и расхожія иконы, но обороту помогали заказы, благодаря публикаціямъ. Но чѣмъ объяснить не успѣхъ, когда подъ вывѣскою Комитета иконописи лавка могла бы имѣть шансы на большіе обороты? Причина главнымъ образомъ въ томъ, что въ лавкѣ имѣется такой товаръ, который хочетъ имѣть хозяинъ, но не покупатель, т. е. въ ней продаются иконы безъ ризъ, безъ кіотъ, а спросъ на такія иконы ничтожный! Посмотрите на подборъ иконъ въ нашихъ современныхъ иконныхъ лавкахъ! Много ли найдете иконъ безъ ризъ? Есть безъ ризъ, но живописныя, а иконописи въ полномъ смыслѣ слова—не видно почти вовсе. „На нее почти нѣтъ спроса“, скажетъ торговецъ! Главные обороты нашихъ иконныхъ лавокъ составляются иконами въ ризахъ, кіотами, часто церковною утварью и прочимъ достояніемъ церквей, а одною иконописью составить оборотъ невозможно, но она идетъ своимъ порядкомъ, главнымъ образомъ подъ прикрытіемъ металлическихъ ризъ. Чтобы питать артели иконописцевъ, Комитетскія лавки должны создаваться такими, какими требуетъ рынокъ, т.-е. на коммерческихъ началахъ... Прежде всего лавка должна прокормить себя, т.-е. свою администрацію, и если она это выполнить не въ силахъ, то никогда она питать что либо во внѣ не

сможетъ и такая лавка для пользы дѣла — абсурдъ. Подобное торговое предпріятіе съ коммерческой точки зрѣнія я долженъ признать бутафорскимъ. Но такъ какъ для увеличенія спроса на иконопись Комитетомъ предварительно ровно ничего не сдѣлано, то всѣ эти предпріятія: артели и лавки были бы не болѣе какъ перемѣщеніемъ тѣхъ же ограниченныхъ оборотовъ иконописныхъ дѣлъ изъ однихъ рукъ въ другія. Для дѣла развитія русской иконописи не было бы изъ всего этого существенной пользы. Польза состояла бы только въ томъ, что на иконахъ продаваемыхъ Комитетской лавкой могли бы значиться имена тѣхъ, кто ихъ въ дѣйствительности писалъ, а не подписи торговой фирмы хозяина мастерской и это послужило бы къ возвышенію личнаго труда иконописцевъ и самаго искусства иконописанія. Для этой послѣдней цѣли желательно такія подписи на иконахъ при поднесеніи Ихъ Императорскимъ Величествамъ и высокопоставленнымъ лицамъ, когда такія иконы въ будущемъ могутъ имѣть историческое значеніе...

Весьма важнымъ для русской иконописи и археологіи было изданіе Комитетомъ лицеваго иконописнаго подлинника, хотя за все время—его существованіе вышелъ пока первый томъ съ изображеніями Спасителя. Художественныя образцы русской старины и византійской древности собраны трудами академика Н П. Кондакова съ весьма тщательнымъ выборомъ и въ хорошемъ выполненіи и сопровождаются текстомъ историческо-иконографическаго содержанія. Это изданіе очень цѣнно какъ въ научномъ, такъ и въ художественно-практическомъ отношеніи и потому продолженіе его весьма желательно. Но даже и этотъ капитальный трудъ компетентнаго ученаго тонетъ въ цѣломъ морѣ невыполненныхъ задачъ, ради которыхъ былъ основанъ Комитетъ.

Познакомившись съ цѣлями, положенными Комитетомъ въ основаніе его дѣятельности, казалось бы, ему было необходимо для успѣха дѣла первымъ дѣломъ путемъ спеціальныхъ частыхъ періодическихъ изданій, устройства выставокъ иконописныхъ и религіозно-художественныхъ произведеній привлекать на свою сторону вниманіе и сочувствіе всѣхъ круговъ русскаго общества, чтобы это послѣднее содѣйствовало ему въ достиженіи намѣченныхъ имъ цѣлей. Но ничего подобнаго со стороны Комитета не предпринималось и даже журналы засѣданій печатались однажды въ два — три года. Когда первоначально Комитетъ выступилъ въ рѣшительную борьбу со всякаго рода печатными поддѣлками иконъ, то нельзя было искренне несочувствовать его дѣятельности и не вѣрить, что рано или поздно, онъ добьется успѣха; но

всѣ надежды уничтожились, когда затѣмъ послѣдовала вышеуказанная перемѣна фронта въ сторону покровительства и иконопечатанію. Это послѣднее ясно показало, что Комитетъ на первоначальномъ пути встрѣтилъ столь значительныя припятствія, что то дѣло, за которое онъ взялся, оказалось ему непосильно и что ему не помѣшать русской народной иконописи слѣдовать по пути къ уничтоженію...

Вопросъ объ иконописи въ Государственной Думѣ.

При обсужденіи законопроэкта объ отпускѣ Комитету попечительства о русской иконописи пособія отъ казны на 1908 годъ въ засѣданіи Государственной Думы 26 мая, рѣшался вопросъ существенной важности для судьбы Комитета. При обсужденіи этого вопроса, нѣкоторые члены Государственной Думы высказали мнѣнія о русской иконописи и о мѣрахъ къ ея развитію. Къ сожалѣнію приходится судить объ этихъ мнѣніяхъ лишь по газетнымъ сообщеніямъ. Членъ Государственной Думы князь Волконскій считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ передать дѣло развитія иконописи въ кустарномъ производствѣ вѣдѣнію земствъ. Членъ Капустинъ нашелъ, что, пока дѣло въ вѣдѣніе земствъ не передано, поддержать кустарную иконопись необходимо. Епископъ Евлогій, поддерживая законопроэктъ, указалъ на крайнюю нежелательность того, чтобы ремесленное и фабричное производство иконъ убило свободное творчество кустарей. Членъ Думы Чхеидзе нашелъ, что въ Россіи вообще иконъ много; кромѣ того, по вѣрованію православныхъ христіанъ, иконы обладаютъ животворящей силой. Казалось бы, если эта сила существуетъ, то искусство должно быть поддерживаемо этой силой, а разъ этого нѣтъ, то дѣло безнадежно. Въ этихъ словахъ усмотрѣно было оскорбленіе религіознымъ чувствамъ и присутствующіе протестовали; послѣ чего Чхеидзе произнесъ слѣдующее: съ точки зрѣнія православнаго христіанина эта животворящая сила должна поддерживать всякое дѣло, которое идетъ на его пользу. Разъ этого нѣтъ, то, мнѣ кажется, что это дѣло значитъ безнадежное. Если кто докажетъ мнѣ, что православный христіанинъ не долженъ смотрѣть на это такъ, то я извиняюсь. Членъ Крупенскій возразилъ, что есть ли надежда или нѣтъ въ православной вѣрѣ, не съ этой кафедры разсуждать тѣмъ, которые не вѣрятъ въ православную религію. Послѣ перерыва, предсѣдатель заявилъ, что въ словахъ члена Думы Чхеидзе видно оскорбленіе религіозному чувству присутсвующихъ, что въ нихъ можно

усмотрѣть прямо кощунство и предложилъ Думѣ исключить члена Чхеидзе на 15 засѣданій. Чхеидзе было представлено объяснительное слово и онъ сообщилъ, что смыслъ его словъ заключался въ томъ, что дѣло поддержанія церкви, дѣло поддержанія иконописи, дѣло касающееся вѣры — это есть прежде всего дѣло вѣрущихъ. Что же касается до того, что въ его словахъ усмотрѣли кощунство и что они задѣли религіозное чувство нѣкоторыхъ присутствующихъ, то основное положеніе ученія, которое онъ раздѣляетъ, ни къ кому не подходитъ, чтобы задѣть или оскорбить религіозное чувство и поэтому онъ протестуетъ противъ приписанной ему цѣли... Баллотировкой большинствомъ голосовъ Чхеидзе былъ устраненъ на 15 засѣданій. Лѣвые ввидѣ протеста покинули засѣданіе, а послѣ непродолжительныхъ преній и заключенія докладчика законопроэктъ былъ принятъ.

О мнѣніяхъ членовъ Государственной Думы.

Отъ передачи дѣла развитія русской иконописи въ кустарномъ производствѣ въ вѣдѣніе земствъ, согласно вышеприведенныхъ мнѣній членовъ Государственной Думы князя Волконскаго и Капустина, ничего полезнаго ожидать невозможно. При существующихъ обстоятельствахъ представители земствъ, при ихъ офиціальномъ попечительствѣ, могли бы послужить развѣ тѣмъ, что, оставаясь лишь зрителями проходящихъ событій, почтили бы своимъ вниманіемъ и офиціальнымъ присутствіемъ постепенную кончину русской народной кустарной иконописи. Но, нужно полагать, что тоже самое, но со стороны членовъ Комитета иконописи, представителей министерствъ въ чинахъ дѣйствительнаго статскаго и тайнаго совѣтниковъ будетъ все таки болѣе почетнымъ вниманіемъ по отношеніи къ умирающей русской народной иконописи!. Членъ Государственной Думы епископъ Евлогій, въ вышеуказанномъ ея засѣданіи указавшій на крайнюю нежелательность того, чтобы ремесленное и фабричное производство иконъ убило свободное творчество кустарей, какихъ пожеланій мы не слыхали въ вышеуказанныхъ мнѣніяхъ оберъ-прокурора св. Сунода, этимъ своимъ желаніемъ доказалъ, что въ нашихъ современныхъ іерархахъ способна себя заявлять пасторская совѣсть въ служеніи церкви и религіознымъ нуждамъ православныхъ въ дѣлѣ „поддержанія иконопочитанія и сохраненія вѣковыхъ обычай и преданій грекорусской церкви“. Въ первоначальныхъ словахъ члена Государственной Думы Чхеидзе выразилось неуваженіе къ той

животворящей, чудотворной силѣ святыхъ православныхъ иконъ, которая признается церквою и составляетъ завѣтный удѣлъ религіозныхъ чувствъ православнаго русскаго народа и потому нельзя этого кощунственно касаться! Довольно огорченій для религіозныхъ чувствъ и для сознанія православныхъ отъ указываемыхъ отношеній къ святой русской православной иконописи со стороны нѣкоторыхъ представителей нашего духовнаго вѣдомства и духовенства! Но тотъ же членъ Чхеидзе, при удаленіи его изъ залы засѣданія, сказалъ о русской иконописи болѣе истиннаго, чѣмъ удалявшіе его члены Государственной Думы, а именно онъ сказалъ, что „дѣло поддержанія церкви, дѣло поддержанія иконописи, дѣло касающееся вѣры, – это есть прежде всего дѣло вѣрующихъ". Русская иконопись не маловажное имѣетъ значеніе при сужденіи о народномъ благочестіи, о народной вѣрѣ, о внутреннемъ состояніи церкви, такъ какъ она всегда была съ нею связана и отражала въ себѣ господствующее настроеніе вѣрующихъ. Вотъ почему вліять на судьбу иконописи невозможно иначе какъ черезъ церковь, какъ собраніе вѣрующихъ. Иконопись создавала всегда и создаетъ только то, что требуютъ отъ нее вѣрующіе для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей и о памятникахъ иконописи поэтому можно судить какъ о формахъ, въ которыя укладывались религіозныя потребности вѣрующихъ разныхъ эпохъ исторіи. Если мы захотимъ произвольно вліять на иконопись для какихъ бы то ни было въ ней измѣненій, не справляясь съ современными запросами къ ней вѣрующихъ, то наши труды и усилія будутъ безполезны. Какіе бы законы или указы не издавало правительство, какъ бы велики средства оно не затрачивало, какихъ бы чиновниковъ, художниковъ и знаменитыхъ ученыхъ оно не призвало сотрудничать: все это не приведетъ къ желаемой цѣли. Но если православная церковь въ лицѣ своихъ представителей, духовенства, авторитетно будетъ вліять на религіозное сознаніе вѣрующихъ въ сторону почтительнаго отношенія къ древне-русской иконописи, собственнымъ примѣромъ будетъ служить къ возвышенію иконопочитанія и не признавать иныхъ молебныхъ иконъ, какъ только рукописныхъ: то безъ сомнѣнія вполнѣ возможно возрожденіе православной русской народной иконописи въ томъ видѣ, въ которомъ она шла величественно и постепенно столѣтіе за столѣтіемъ до реформъ патріарха Никона и Петра I. Если только святѣйшій Сунодъ и духовенство пожелали бы это выполнять, то поднятію и развитію русской иконописи было давно положено прочное основаніе, иначе дѣятельность Комитета иконописи неминуемо будетъ

безплодна! Остается для пользы дѣла рекомендовать единственное средство. Комитетъ попечительства о русской иконописи преобразовать общими усиліями всѣхъ членовъ Комитета изъ спеціальнаго иконнаго вѣдомства въ „Общество любителей русской иконописи и религіозной живописи", съ предоставленіемъ такому обществу пользоваться правами на имущество и на школы Комитета иконописи, продолжать изданіе иконописнаго подлинника и осуществлять всѣ намѣченныя первоначально Комитетомъ задачи. Для этого, такое общество должно привлекать дѣятелей возможно шире изъ лицъ всѣхъ сословій и занятій, сочувствующихъ успѣхамъ развитію русской иконописи, и открывать отдѣленія во всѣхъ городахъ Россіи и даже православнаго Востока, гдѣ окажутся соотвѣтствующіе дѣятели. Дѣятельность такого общества и его отдѣленій съ самаго начала должна бы быть направлена совершенно въ иную сторону, чѣмъ въ ту, которую такъ исключительно избралъ Комитетъ иконописи. Прежде всего нужно распространять въ народѣ интересъ къ искусству иконописанія и способствовать, при посредствѣ и содѣйствіи св. Сунода и духовенства, сближенію его религіозныхъ запросовъ только съ рукописной молебной иконой, отвращая его религіозныя чувства отъ механической поддѣлки молебныхъ иконъ, чтобы токою практическою дѣятельностью затруднять распространеніе въ народѣ послѣднія и одновременно поднимать спросъ на ручной трудъ иконописцевъ. Запретительныя мѣры иконопечатанію такимъ образомъ было бы можно обойти. Да таковыя мѣры и не должны пониматься въ смыслѣ закрытія спеціальныхъ фабрикъ и литографій и запрещенія послѣднимъ производить механическія поддѣлки иконъ, но онѣ должны быть направлены на стѣсненія и постепенное прекращеніе распространенія послѣднихъ въ русскомъ православномъ народѣ и, если это поведетъ къ закрытію иностранныхъ иконо-жестянныхъ фабрикъ, то никакой отвѣтственности передъ послѣдними министерство Финансовъ понести не можетъ, такъ какъ источникомъ послужило бы именно то „церковное основаніе" которое не признавалось представителемъ духовнаго вѣдомства и сопровождалось бы такими мѣрами, которыя бы не могли дать основаній для судебныхъ исковъ. Посредствомъ періодическаго изданія вышеуказанное общество сообщало бы о дѣятельности всѣхъ своихъ отдѣленій и способствовало ихъ объединенію и въ проведеніи однородности мѣропріятій. То, что не подъ силу было нѣсколькимъ лицамъ, составляющимъ Комитетъ иконописи, вдалекѣ, изолировано стоящимъ отъ самой арены практической дѣятельности иконныхъ очаговъ и иконныхъ рынковъ среди русскаго

населенія, то при союзѣ съ духовнымъ вѣдомствомъ, оказалось бы подъ силу народу, самимъ вѣрующимъ во главѣ съ духовенствомъ возшедшимъ бы въ составъ вышеуказаннаго предполагаемаго общества.

Народные представители въ Государственной Думѣ, вѣроятно, отнеслись бы съ единодушнымъ сочувствіемъ къ такому народному религіозному обществу. Да при дальнѣйшемъ его развитіи въ правительственныхъ субсидіяхъ могла бы и не встрѣтиться надобность...

Но какому бы учрежденію или обществу не пришлось заботиться о поднятіи и развитіи русской иконописи, неминуемо при этомъ придется считаться съ условіемъ главнымъ образомъ вліяющемъ на ея развитіе и направленіе. Условіе это слѣдующее: современное положеніе русской религіозной жизни въ связи съ отношеніемъ къ искусству церкви, иконописи, духовнаго вѣдомства, духовенства и всего русскаго народа. Нельзя по этому не каснуться этого главнаго и важнаго для судьбы иконописи условія!

Современное положеніе русской религіозной жизни въ связи съ судьбою иконописи.

Когда въ наше время желаютъ дать понятіе о современномъ положеніи русской православной церкви, то иногда приводятъ на помощь слова Достоевскаго: „Наша церковь лежитъ въ параличѣ“. По мнѣ это далеко невѣрное опредѣленіе! Вѣдь церковь есть собраніе вѣрующихъ, а не собраніе одного только духовенства и послѣднее составляетъ только часть вѣрующихъ. О первой части совершенно невозможно сказать, что она въ параличѣ. Совершенно напротивъ! Рѣдко замѣчался такой подъемъ запросовъ и интересовъ къ религіи, какъ въ послѣднее время и особенно среди сознательныхъ, просвѣщенныхъ элементовъ народа. Но эта бьющаяся ключемъ духовная жизнь народа на нашихъ глазахъ отрывается отъ материка господствующей въ Россіи православной церкви. Что представляетъ изъ себя атеизмъ нѣкоторой части нашей русской интеллигенціи? Онъ въ сущности—тоже вѣра, но въ научность, въ раціонализмъ. Такая вѣра въ невѣріе въ атеизмъ особенно распространена среди нашей учащейся молодежи и усваивается въ средней школѣ иногда чуть ли не съ отроческаго возроста. Бесѣдуя съ такими юношами, приходишъ къ заключенію, что эта ихъ вѣра далеко не всегда сознательная, а основана на мнѣніе вообще о религіи въ окружающей ихъ средѣ, но непризнавать ее явно мѣшало имъ

ихъ самолюбіе. Нельзя, къ сожалѣнію, пройти вниманіемъ и то, что во время пережитаго періода, такъ называемаго „освободительнаго движенія“, подобныя атеистическія возрѣнія нашей интеллигенціи, путемъ слова и спеціальныхъ брошюръ, проникли въ среду нашего рабочаго класса, а черезъ него него и въ деревни... Но помимо вышеуказанныхъ атеистовъ среди русской интеллигенціи, являются писатели убѣжденные христіане, но возстающіе противъ всего церковнаго устройства и даже противъ обрядовой стороны православной вѣры и исповѣдующіе печатно въ чемъ заключается такая ихъ вѣра. Важность дѣла не въ сути каждой въ отдѣльности такой исповѣди и не въ томъ, что тотъ или другой членъ церкви былъ бы отъ нее отлученъ, а духовное лицо лишино сана, но важенъ тотъ ясный всѣмъ фактъ, что такой писатель, какъ, напримѣръ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, является выразителемъ религіозныхъ убѣжденій значительной части русской интеллигенціи. Чтоже касается до религіозныхъ убѣжденій нашего популярнаго писателя Григорія Петрова, то нельзя не признать въ нихъ таковыя большей части нашей современной вѣрующей интеллигенціи. Нашъ русскій народъ пробудился и быстро и энергично движется его духовное развитіе и непараличная жизненная часть тѣла церкви стремится или освободиться отъ своей параличной половины или пробудить и въ ней жизненныя силы для общей гармоніи, взаимопомощи и совмѣстнаго существованія! Русскій народъ пробудился и требуетъ отчета въ тѣхъ богатствахъ духовнаго наслѣдія святой православной церкви, которыми укрѣплялась народная вѣра и въ чемъ давно ему отказываютъ. Всюду ропотъ на духовенство, на то, что наша религія по его винѣ зиждется лишь на однихъ обрядахъ и на то, что нѣтъ внутренней духовной связи между имъ и народомъ. Отъ всюду несутся извѣстія, рисующія духовное сиротство народа всѣхъ классовъ и состояній и не менѣе сиротами чувствуетъ себя и духовенство среди общества пасомыхъ. Одна обрядовая сторона религіи неможетъ удовлетворить! Умъ родитъ мысли и ихъ бѣгъ, лишенный опоры въ пастырскомъ наставленіи, часто уноситъ искателя истины, толкователя жизни и св. Евангелія въ сторону отъ всего того, чѣмъ располагаетъ русская православная церковь. Отъ сюда происходятъ сектантства и всѣвозможныя формы отъ нея отпаденія. При этомъ я не говорю о старообрядчествѣ, потому— что оно имѣло свою самостоятельную исторію. При современной свободѣ вѣроисповѣданія и при запаздываніи реформъ внутренняго устройства нашей господствующей православной церкви развитію старообрядчества въ народѣ обезпеченъ

успѣхъ. Этому особенно способствуетъ во первыхъ—быстрое насажденіе ихъ храмовъ, устройство которыхъ и характеръ въ нихъ службы напоминаютъ всѣмъ о древне-русской жизни, и во вторыхъ—народный характеръ внутренняго церковнаго устройства. Наше духовенство исторически сознавало опасность со стороны народной церкви русскихъ старообрядцевъ и вело и ведетъ борьбу. Но чтоже предпринимается имъ для сближенія съ русской интеллигенціей для вразумленія заблудшихъ чадъ церкви, такъ какъ страхъ отлученія очевидно не можетъ остановить этого новаго духовнаго потока? Одна изъ такихъ попытокъ мнѣ извѣстна. Вопросъ о собесѣдованіи духовенства съ интеллигенціей возбуждался нѣсколько лѣтъ назадъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія по иниціативѣ его предсѣдателя священника И. Ѳ. Мансвѣтова. Присутствующіе на собраніи пастыри признали интеллигента опаснымъ въ публичномъ словѣ, а себя недостаточно подготовленными для подобнаго рода бесѣдъ. Первоначально было рѣшено предоставить интеллигенту только такое слово, содержаніе котораго будетъ имъ предварительно заявлено совѣту общества, чтобы дать возможность подготовиться къ пастырскимъ отвѣтамъ. Но и въ такомъ положеніи интеллигентъ внушалъ мало довѣрія и собраніе пастырей рѣшило допустить его лишь письменно въ видѣ реферата изложить свои мнѣнія, касающіяся православной вѣры и интересующихъ его вопросовъ, и подать для цензуры въ совѣтъ того же общества, отъ котораго должно уже состояться рѣшеніе о прочтеніи имъ такого реферата безъ какихъ либо съ его стороны добавленій. Этому замѣчательному проэкту по приговору епархіальной власти все таки не суждено было осуществиться... Вышеуказанный примѣръ ясно и наглядно рисуетъ глубину пропасти въ отношеніи русскаго духовенства къ русской интеллигенціи и ясное далъ тогда мнѣ понятіе о степени параличности нѣкоторой части нашей церкви и глубокую скорбь заронилъ въ мою душу! Я понялъ, что способствуетъ отчужденію нашего народа отъ церкви и отъ духовенства—это въ большинствѣ случаевъ отсутствіе въ послѣднемъ духа пастырства, духа учительства, вдохновленнаго живой вѣрой во Христа! Народъ не можетъ не видѣть въ большей части духовенства чиновниковъ своего особаго вѣдомства, соблюдающихъ узко-классовые интересы своего болѣе сильнаго властью меньшинства и изолировано стоящихъ отъ паствы и ея духовныхъ запросовъ къ жизни и къ религіи. Не можетъ не замѣчать и духовенство пониженія своего авторитета не только въ просвѣщенной, интеллигентной части народа, но даже въ простонародьѣ, но въ наше

время его поддержали среди интеллигенціи тѣ православные пастыри, которые болѣя душою за столь печальное положеніе церкви, часто рискуя своими личными интересами, выступали со своимъ смѣлымъ и правдивымъ словомъ на защиту ея интересовъ. Съ большимъ прискорбіемъ приходится отмѣтить величайшее зло для нашей церкви отъ мірской политики овладѣвшей ею въ лицѣ духовенства. Послѣднее, вопреки словамъ Спасителя: „Царство мое не отъ міра сего“, вмѣсто того, чтобы, согласно своего назначенія, исключительно печься о великихъ религіозно-духовныхъ нуждахъ паствы, оставаясь нейтральнымъ въ ея между-усобныхъ политическихъ распряхъ, размѣстилось по ея примѣру на всѣхъ платформахъ политическихъ убѣжденій и приняло непосредственное участье въ строительствѣ мірской государственной жизни путемъ даже агитаторской дѣятельности и участья въ публичныхъ процессіяхъ политическихъ организацій. Это неминуемо и должно было привести къ несогласіямъ и даже къ лютой враждѣ, какъ въ средѣ политически разномыслящаго духовенства, такъ и между послѣднимъ и политически разномыслящимъ народомъ, способствуя еще болѣе взаимному отчужденію... Политика вошла въ церковь и дѣла Божьи смѣшались съ мірскими!

Вышеуказанное отчужденіе народа отъ духовенства и церкви выражается замѣтнымъ сокращеніемъ поломничествъ къ святымъ русскимъ обителямъ, къ которымъ исторически стремился благочестивый русскій народъ, чая утѣшеніе въ горестяхъ и изцѣленіе въ болѣзняхъ по молитвамъ иноковъ хранителей дорогихъ его сердцу святынь. Этому упадку поломничества во многомъ способствуетъ положеніе у насъ и самаго иночества, которое еще держится на достойной высотѣ въ нашихъ женскихъ обителяхъ, чему причиною бытовыя, главнымъ образомъ, условія существованія русской женщины, но, къ сожалѣнію, мало утѣшительнаго можно сказать о нравственномъ и религіозномъ уровнѣ большей части нашего современнаго мужского монашества. Наблюдается большое усиліе поддержать хотя внѣшно благочестіе, чтобы скрыть отъ народа печальную дѣйствительность. На тунеядство монашествующихъ приходилось слышать жалобы архимандритовъ и епископовъ! Но нельзя этого скрыть отъ народа и потому отчасти и охлажденіе его къ поломничеству. Часто посѣщая нашъ западный край, мнѣ приходилось наблюдать положеніе православныхъ среди иновѣрцевъ и дѣлать заключеніе, что послѣдніе въ своихъ духовно-религіозныхъ нуждахъ иногда куда больше удовлетворены первыхъ. Нельзя было, напримѣръ, нелюбоваться роскошнымъ огромнымъ дворцемъ епископа въ городѣ Минскѣ и весьма цѣнными об-

ширными церковными загородными рощами, за предѣлами которыхъ стоялъ одиноко съ поникшимъ на сторону крестомъ ветхій деревянный храмъ села Тростенца, объ убожествѣ котораго чтобы судить, нужно видить! Мѣстные православные не имѣли почти вовсе службы въ своемъ храмѣ. Этотъ контрастъ пышности, великолѣпія, не обычайной роскоши и богатства святительскаго жилища въ сравненіи съ нищинскимъ убожествомъ сельскаго храма при духовно-религіозномъ голодѣ паствы—это явленіе характерное для сужденія объ общемъ современномъ положеніи нашей православной церкви, при сопостановленіи: необычайнаго иногда богатства и обезпеченности высшаго духовенства съ необезпеченностью и иногда нищинскимъ пололоженіемъ сельскаго, а также: богатства и благолѣпія нѣкоторыхъ нашихъ столичныхъ храмовъ съ религіознымъ голодомъ русскаго народа, иногда ищущаго, какъ упомянуто выше, духовной пищи въ сторонѣ отъ церкви. Въ религіозно-духовной жизни народа всюду встрѣчаешь печальныя картины! Наше черное духовенство враждуетъ съ бѣлымъ и на оборотъ. Политически разномыслющіее бѣлое духовенство враждуетъ между собой. Низшее духовенство горько иногда жалуется на высшее, а послѣднее всѣми способами противодѣйствуетъ реформамъ внутренняго устройства церкви. Духовно просвѣтительныя общества не чужды тѣмъ же политическимъ распрямъ. Интеллигенція враждуетъ съ духовенствомъ, а оно съ интеллигенціей. Крестьяне всюду несутъ жалобы на нерадивость, притѣсненія и непосильные имъ поборы своего сельскаго духовенства, а оно на свою скудную, часто бѣдственную жизнь. Свѣтскія ученыя общества враждуютъ съ духовными, а духовенство съ такими обществами. Въ нашихъ гимназіяхъ дѣти подавали петиціи директорамъ объ отмѣнѣ обязательнаго преподаванія Закона Божія. О неблагополучіи духовныхъ школъ говорятъ печатныя извѣстья о проступкахъ учащихся противъ ректоровъ и инспекторовъ... Наконецъ современное массовое самоубійство не только взрослыхъ, но даже подростковъ—дѣтей!! Какія поистинѣ печальныя бѣдственныя условія нашей русской современной жизни! И до чего еще пришлось дожить православному русскому народу! Основанный нашимъ возлюбленнымъ благочестивымъ Государемъ Императоромъ Комитетъ попечительства о русской иконописи, составленный изъ представителей министерствъ, упрашивалъ святѣйшій Сѵнодъ, прямаго преемника приснопамятнаго патріарха Іакима, спасти святыя иконы, чтимыя православною церквою отъ не уваженія со стороны православныхъ неминуемо послѣдующаго черезъ замѣну рукописной иконы машинными поддѣлками, какъ равно просилъ пощадить и не нарушать этимъ „вѣковые обычаи и преданія греко-

восточной церкви"! И чтоже? Отвѣтъ мы слышали и результатомъ дѣятельности Комитета иконописи было пока то, что сунодальнымъ же учрежденіямъ предоставлено иконопечатаніемъ довершать погибель нашей народной русской иконописи. Московская сунодальная типографія уже приступила, какъ мы видѣли, къ этому благочестивому занятію...

Высочайшій указъ объ основаніи Комитета иконописи явился весьма отраднымъ историческимъ событіемъ особенно потому, что въ немъ офиціально установленъ современный взглядъ на русскую иконопись такимъ, какимъ онъ не былъ когда выстроивались въ Петербургѣ и въ иныхъ мѣстахъ церкви и соборы по образцу западныхъ костеловъ съ итальянскою католическою живописью, но какимъ онъ былъ въ допетровской, а вѣрнѣе въ дониконовской Руси. Новая Русь, силою судебъ, направляется, минуя слишкомъ два вѣка, въ старую Русь, памятникамъ церковной старины которой ей указано подражать, чтобы пользоваться ихъ плодотворнымъ вліяніемъ.

Но для охраненія въ иконописи плодотворнаго вліянія художественныхъ образцевъ русской старины, необходима наличность такихъ образцевъ! А много ли сохранило намъ, рачительное о чистотѣ православія, наше духовенство художественныхъ образцевъ нашей старины? Гдѣ находятся или куда дѣлось неисчислимое количество святыхъ древнихъ иконъ въ нашихъ православныхъ храмахъ, передъ которыми молились ихъ основатели и цѣлыя поколѣнія нашихъ благочестивыхъ предковъ? Какія мѣры принимаются, чтобы спасти и воскресить и тѣ немногіе остатки отъ былаго богатства памятниковъ древней иконописи, которые и по нынѣ разрушаются или сокрыты подъ слоями красокъ новыхъ изображеній и ожидаютъ добросовѣстной и компетентной разсчистки? Изданы ли законы, которые бы охраняли такіе памятники дорогіе и наукѣ и религіознымъ чувствамъ православнаго русскаго народа? Его достояніе эти священные памятники, а не тѣхъ представителей нашего духовенства всѣхъ ступеней іерархіи, которые способствовали ихъ разрушенію! Очевидно что въ глазахъ послѣднихъ такіе памятники ничего не значили!

До сего дня представители нашего духовенства часто не выражаютъ желанія видѣть святыя древнія иконы своихъ храмовъ въ первобытномъ благолѣпномъ видѣ. Послѣдняя реставрація драгоцѣннаго древняго иконостаса Троицкаго собора въ св. Троицкой лаврѣ дала весьма характерный этому примѣръ. Въ этой богатой лаврѣ, изъ разсчета, не была произведена реставрація съ полной разсчисткой всѣхъ

святыхъ иконъ древняго иконостаса и всего только двѣ, три иконы были разсчищены и то по иниціативѣ иконописца-реставратора, результатомъ чего была открыта античная, подлинная иконопись Рублева... А такихъ примѣровъ множество и, перечисляя ихъ, можно бы составить обширный своеобразный иконный мартирологъ! Находятся средства на модныя украшенія храмовъ, чтобы сообщить имъ современный характеръ внѣшняго благолѣпія, но на сохраненіе и на реставрацію святыхъ древнихъ иконъ средствъ почти всегда оказывается недостаточно... Истребленіе памятниковъ старины нашимъ православнымъ духовенствомъ и его къ нимъ преступное равнодушіе есть зло, пораженное реформами церкви патріарха Никона и воспитанное всей послѣдующей исторіей нашей церкви! Это зло въ теченіи двухъ слишкомъ вѣковъ много вырвало и уничтожило камней изъ того фундамента, на которомъ зиждалась народная русская вѣра, народное русское благочестіе. Древне-русская иконопись была всегда однимъ изъ краеугольныхъ камней этого мощнаго утвержденнаго столѣтіями фундамента. Нельзя было такъ кощунственно касаться и разрушать этотъ священный для православныхъ фундаментъ.

Заключеніе.

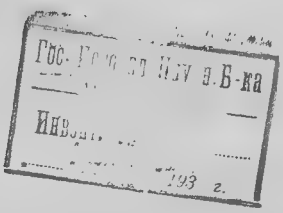
Возможно ли ожидать, чтобы современная иконопись при столь печальныхъ условіяхъ внутренней церковной жизни и при столь отрицательномъ отношеніи къ ея памятникамъ со стороны духовенства, отражала въ себѣ тоже, что и въ древнія времена русскаго православія и благочестія? Если это послѣднее сдѣлается достояніемъ, нашего времени или будущаго, то это неминуемо выразится въ запросахъ къ православной иконѣ со стороны вѣрующихъ и иконописцы вдохновленные тѣми же религіозными чувствами съумѣютъ ихъ передать въ искусствѣ святой церкви! Что могутъ въ такомъ дѣлѣ сдѣлать въ Комитетѣ иконописи нѣсколько чиновниковъ различныхъ министерствъ и ученые? Каждый такой чиновникъ долженъ защищать интересы своего министерства, а свѣтскій представитель святѣйшаго Сунода можетъ и снова отвлекать вниманіе Комитета отъ религіозныхъ нуждъ вѣрующихъ, указывая на значеніе вопроса для денежнаго бюджета министерства Финансовъ... Безъ поддержки же церкви и безъ абсолютнаго церковнаго осужденія всякой печатной молебной иконы народную иконопись спасти невозможно, такъ какъ она призвана лишь отражать внутреннюю жизнь церкви и отвѣчать потребностямъ православнаго народа. Святыя

иконы въ нашихъ православныхъ храмахъ блистаютъ золотомъ сплошныхъ драгоцѣнныхъ ризъ, но не эти ювелирно-металлическія одѣянія, а сокрытая ими иконопись близка нашимъ религіознымъ чувствамъ и когда то эта близость была такъ значительна, что она не прикрывалась и была доступна очамъ молящихся. Такое современное положеніе святыхъ иконъ соотвѣтствуетъ отношенію вѣрующихъ къ православной вѣрѣ. Какъ святая иконопись съ ея глубокимъ религіознымъ содержаніемъ прикрыта нынѣ раззолоченными сплошными ризами, такъ часто показнымъ выполненіемъ внѣшней обрядности прикрыта внутренняя духовная нищета паствы, при недостаточномъ вліяніи пастырей на совершенствованіе добродѣтелей по пути къ высокимъ идеаламъ указанныхъ Спасителемъ. Распространеніе же въ народѣ, благодаря его невѣжеству и нищетѣ, печатныхъ поддѣлокъ подъ рукописныя молебныя иконы есть фактъ свидѣтельствующій о не желаніи представителей православной церкви поддержать въ русскомъ народѣ иконопочитаніе. Если дѣло пойдетъ также дальше, то нашу иконопись въ господствующей въ Россіи православной церкви постигнетъ таже судьба, что ее постигла въ католической церкви, но она безъ сомнѣнія будетъ продолжать свое историческое существованіе въ народной церкви русскихъ старообрядцевъ.

Но хочется вѣритъ, какъ бы не было это сомнительно, что въ будущемъ придутъ на помощь печальной судьбѣ нашей церкви реформы внутренняго ея устройства. Раскрѣпостится тогда наша церковь, какъ раскрѣпостится и ея пастырь для свободнаго служенія религіознымъ нуждамъ своего народа. Онъ будетъ тогда всюду и смѣло слѣдовать велѣнію своей пастырской совѣсти. Уничтожится столь унизительная форма матеріальной зависимости духовенства отъ паствы и упадающій авторитетъ его въ народѣ возстановится. Не въ полицейско-административныхъ мѣрахъ могущество церкви, залогъ единенія духовенства съ народомъ, а религіи съ жизнью, но въ свободномъ проявленіи христіанскаго пастырскаго служенія, согласно со святымъ Евангеліемъ при свободной совѣсти пастырей и пасомыхъ! Раскрѣпощенное отъ чиновничьяго режима, изсушающаго духъ пастырства, наше свободное, народомъ избираемое духовенство найдетъ тогда путь къ духовному единенію съ паствой! Рухнетъ вражда, падутъ сомнѣнья! Въ комъ тухла вѣра, возгорится вновь и надъ православной церквою русскаго народа взойдетъ красное солнце правды. Но неужели не суждено русской иконописи отразить въ себѣ столь желанное благоденствіе нашей православной церкви?!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Вселенскіе соборы. А. П. Лебедева. 1904, Ч. II. стр. 137.
2. Тамъ же стр. 209.
3. Болѣе подробныя свѣдѣнія о древнемъ убранствѣ св. иконъ изложены въ моей статьѣ: „Сохраненіе памятниковъ древне-русской иконописи“, изданной Комитетомъ попечительства о русской иконописи въ I выпускѣ „Иконописнаго сборника“ и особымъ изданіемъ. Изображенія въ краскахъ предметовъ убранства древнихъ иконъ помѣщены въ изданіе моемъ и Н. П. Сырейщикова: „Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства“.
4. Фототипическія изображенія иконъ С. Ушакова, и ихъ описаніе помѣщены въ слѣдующихъ моихъ изданіяхъ: „Иконостасъ Смоленскаго собора Моск. Новодѣвичьяго Монастыря“. и „Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ“.
5. Иконописный сборникъ. Выпускъ I, стр. 35. Изданіе Комитета попечительства о русской иконописи. 1907.
6. Изданіе указано въ примѣчаніе 3.
7. О суздальскомъ иконописаніи. Д. Ф. Кобеко. СПБ. 1896.
8. „Нѣсколько словъ о древней и современной иконописи“. 1904.
9. Объ изготовленіи такихъ иконъ сообщены свѣдѣнія въ моей брошюрѣ: „Иконопись мстерцевъ“. М. 1903.
10. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ I выпуска „Извѣстій Высочайше утвержденнаго Комитета попечительства о русской иконописи“. 1902.
11. Смотрѣть тоже изданіе стран. 17.
12. Иконописный сборникъ. Выпускъ II. Изданіе того же Комитета, стр. 30. Отдѣлъ журнала.
13. Смотрѣть изданіе, указанное въ примѣчаніи 5.
14. Тамъ же стран. 20 и 21.
15. Тамъ же стран. 21 и 22.
16. Тамъ же стран. 54.
17. Тамъ же стран. 54.
18. Тамъ же стран. 55.
19. Тамъ же стран. 57.
20. Тамъ же стран. 59.
21. Тамъ же стран. 17.
22. Тамъ же стран. 17.
23. Смотрѣть указанное въ примѣч. I.
24. Изданіе указано въ примѣч. 10, стран. 16 и 17.



Изданія и сочиненія Д. К. Трекева.

Цѣна Р. К.

1. Нѣсколько словъ о современномъ иконописаніи. (Въ продажу не поступало).
2. **Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.** Съ 5 фототипіями 1.25
   На лучшей бумагѣ. (Выпроданы) 2.50
3. **„Походная церковь", въ видѣ шкафчика, XVII вѣка.** Нѣсколько словъ по поводу сдѣланныхъ на рефератъ возраженій . . . . —.40
   На лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 3 фототипій и 1 хромолитографіи. (Выпроданы) . . . . . 1.—
4. **Иконостасъ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря.** Образцовый русскій иконостасъ XVI—XVII вѣковъ, съ прибавленіемъ **краткой исторіи иконостаса съ древнѣйшихъ временъ.** 115 хромолитографій, литографіи и 100 цинкографій. In 4°. (Удостоено присужденія больш. серебр. медали Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества) . . . . . 12.—
   На лучшей бумагѣ, съ рис. на бристолѣ, въ роскошномъ переплетѣ. (Выпроданы) . . . . . 25.—
5. **Русская иконопись и ея желаемое развитіе** . . . . . —.50
6. **Серпуховскій Высоцкій монастырь, его иконы и достопамятности.** 32 таблицы съ 5 хромолитографіями и 66 фототипіями и нѣсколько цинкографій въ текстѣ. In 8°. (Удостоено присужденія больш. серебр. медали Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества). (Выпроданы) . . . . . 5.—
   На веленевой бумагѣ, съ таблицами на бристолѣ, въ переплетѣ. (Выпроданы) . . . . . 10.—
   Безъ таблицъ съ рисунками и безъ переплета . . . . . 1.—
7. **Иконопись мстерцевъ.** Съ фототипіями (Выпроданы) . . . . —.50
8. **Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ.** Съ приложеніемъ 45 фототипій (иконы Симона Ушакова). In 4°, въ папкѣ . . . . . 10.—
   На лучшей бумагѣ, съ рис. на бристолѣ, въ роскошномъ переплетѣ. (Выпроданы) . . . . . 20.—
9. Нѣсколько словъ о древн. и современ. русской иконописи. 1905. —.50
10. О русской иконописи по поводу вопроса о ней въ Государственной Думѣ. 1910 . . . . . —.50

Изданія М. О. Чирикова. Текстъ Д. К. Трекева.

Иконы Богоявленской церкви въ слободѣ Метерь. Съ фототипіями на бристолѣ, роскошн. вка. In 8° . . . . . 3.—
На веленевой бумагѣ 1.50

Изданіе Л. В. Дерибезова. Текстъ Д. К. Трекева.

Иконостасъ церкви св. Іоанна Богослова при Техническомъ желѣзнодорожномъ училищѣ въ г. Борисоглѣбскѣ. (Современная фрязь). Съ 16 таблицами съ фототипіями, въ папкѣ . . . . . 5.—

Изданіе Комитета попечительства о русской иконописи. Текстъ Д. К. Трекева.

Сохраненіе памятниковъ древне-русской иконописи. С.П.Б. 1907. Съ фототипіей . . . . . —.50

Изданіе Н. П. Сырейщикова и Д. К. Трекева.

Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Выпускъ I. 25 таблицъ in folio, съ 105 рисунками въ краскахъ, въ папкѣ . 18.—
Выпускъ II приготовляется къ печати.

Съ требованіемъ обращаться

къ Д. К. ТРЕНЕВУ, Москва, Верхніе Торговые ряды, шелк. складъ К. О. Жиро С-ей